

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ

В.Н. Добжанский
Кемеровский государственный университет
**ГИДРОНИМЫ «ИЮС» И «БЕЛЫЙ ИЮС»
В РУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVII в.**

В историографии много спорили о местонахождении Ачинского острога 1641 г., построенного в ходе похода в «Киргизскую землю» казаками под руководством Я.О. Тухачевского. Выдвигались различные точки зрения по этому вопросу, исчерпывающая характеристика которых дана в работе Д.Я. Резуна [1].

Отправной точкой для поисков стало указание Г.Ф. Миллера, что острог построен в Ачинской ясачной волости «у озера Сызырима, к востоку от реки Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке» [2]. Эта схема легла в основу последующих концепций, однако до последнего времени какого-либо серьезного продвижения в этом вопросе не наблюдалось. Камень преткновения лежал в определении местонахождения оз. Сызырима, а также в том, что имеет в виду Миллер под большой Красноярской дорогой. Что касается р. Июс, то здесь исследователи не сомневались, что имеется в виду Белый Июс.

Действительно, если мы обратимся к документу, на основе которого Миллер сделал свое заключение, то увидим, что в нем говорится о постройке острога «в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызыриме озере...» [2, с. 574]. Может сложиться впечатление, что историк случайно пропустил определение «Белый». Однако Миллер сделал это сознательно, поскольку опирался на известные ему историко-географические реалии своего времени. Он знал, что участок реки Чулым от слияния Черного и Белого Июсов и до впадения р. Урюпы местное население называло Июсом. Говоря о киргизах, упоминаемых в челобитной еуштинского князца Тояна, он указал, что они «до начала текущего столетия жили в степях около *реки Июса, которая позднее называлась Чулымом*», и что «они жили тогда на реке *Урупе, которая, соединяясь с Июсом, образует Чулым*» [2, с. 307] (курсив наш. – В.Д.). Миллеру вторит И.Е. Фишер, указавший, что «киргизы до начала нынешнего столе-

тия имели жительство свое у реки Абакана, впадающей в Енисей, и в степи *около Июса, которая по соединении с Урупом называется Чулым*» [3, с. 207] (курсив наш. – В.Д.). Однако по непонятной причине эти указания Миллера и Фишера остались вне поля зрения исследователей. В большей мере они следовали в этом вопросе за С.У. Ремезовым, который на «Чертеже земли Томского города» отметил, что р. Чулым берет свое начало в месте слияния Белого и Черного Июсов [4, л. 11]. В этой связи любопытна реакция Д.Я. Резуна на запись в дневнике И.Е. Фишера, которую приводит в своей работе Л.П. Потапов, о том, что в первой половине XVIII в. «наименование Чулым река носила только от устья и вверх по течению от впадения в нее слева реки Сережа, вытекающей из Белого озера. От этого места вверх по течению река называлась Июс до слияния Белого и Черного Июса, образующих Чулым». Эти данные Л.П. Потапов извлек не из хорошо известного труда И.Е. Фишера, цитированного выше, а из его неопубликованных путевых записок, хранящихся в архиве Академии наук [5, с. 171]. В ответ на приведенные Л.П. Потаповым указания, у Д.Я. Резуна только возник вопрос – «а как же назывались тогда сами Июсы?» [1, с. 28].

У С.У. Ремезова «дорога на Красноярск проходит возле Белого озера, которое находится на южной стороне Аргинской излучины Чулыма и никак не связано с Июсами» [1, с. 16; 4, л. 11]. Попытка объяснить географическую номенклатуру, которой пользуется Миллер, номенклатурой предшествующего столетия логична и оправдана. И все же она не дала ощутимых результатов. Причина этого заключалась в том, что исследователи не пытались увязать указания документов с конкретным географическим ландшафтом данного региона. Например, К.Н. Сербина, а вслед за ней В.С. Синяев и другие локализовали Ачинский острог 1641 г. в районе слияния Белого и Черного Июсов, совершенно игнорируя то обстоятельство, что здесь типично степной ландшафт и взять казакам лес для острога негде [2, карта; 6, с. 82].

Ситуация изменилась после введения в научный оборот историко-географических описаний сибирских уездов, которые были составлены Миллером во время его поездки по Сибири в составе Академического отряда Второй Камчатской экспедиции. В «Описаниях» Красноярского и Томского уездов, а также в дневнике «Путешествия из Красноярска в Томск», он отмечал, что местное население называет верховья Чулыма Июсом [7, с. 65, 69; 8, с. 212,

215, 216; 9, с. 55]. В своей научно-популярной книге Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский учли это и локализовали Ачинский острог 1641 г. согласно указанию Миллера [10, с. 90].

Известно, что русские, придя в Сибирь, воспринимали, как правило, местную географическую номенклатуру, в первую очередь, гидронимию. О Чулыме русские узнали в самом конце XVI в., когда после основания г. Сургута в 1594 г. стали продвигаться вверх по Оби. Скоро под власть сургутских воевод попало и население нижнего и среднего Чулыма. С этого времени Чулым часто появляется на страницах воеводских отписок [2, с. 406–407]. В то время в низовье Чулыма проживали селькупы, а выше их тюркоязычные мелесы, басагары, кызылы и др. [11, с. 37–40]. Слово *Чулым* происходит из селькупского языка *Чулыми-кы* и переводится как *землистая, мутная река*. При этом тюрки, проживающие ниже устья Кии, называют Чулым Цем, а выше Кии – Юс, Июс [12, с. 109].

В документах XVII в. гидроним *Июс* встречается, хотя и не часто, как река отличная от Белого Июса, в отписках преимущественно томских воевод и казаков, а также в статейных списках русских послов, ходивших к монгольским Алтын-ханам через «Киргизскую землю».

Самое раннее упоминание р. Июс находится в расспросных речах атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке летом 1616 г. к Алтын-хану: «А ис Томскова города первая река Чя, река Кыя, река Урюпа, *река Июс*, река Енесея» [13, с. 58] (курсив мой. – В.Д.). В 1672 г. «киргиской князец Ереняк Ишиев» собирал «к себе киргиз и езерцев с Енисея-реки на Июс-реку» [14, с. 239].

В отписке кузнецкого воеводы Г. Волкова (ноябрь 1675 г.) говорится, что красноярские казаки «на Енисее реке поставили острог на острове, а зовут де тот остров татарским языком Карагас, а по-русски Сосновый остров, а другой де острог поставили на Июсе реке, а от острога де с Енисея реки на Июс реку конем ехать столь далеко, как на Енисее или Июсе уловят рыбу, и с реки де на реку едуци та рыба не уснет в то время» [15, с. 338]. Наиболее близко Енисей и Верхний Чулым подходят друг к другу в районе с. Новоселово Красноярского края. Расстояние между реками здесь составляет примерно 6–8 км.

Следствием одного из последних походов против киргизов, состоявшегося в 1680 г. под руководством томских детей боярских

Р.И. Старкова и И.М. Гречанинова, стало установление границы между русскими и киргизским владениями, каковой была признана речка Июс. Бахрушин приводит фрагмент договора, заключенного между русским властями и киргизскими князьями о границе: «а русским де было в их землю за Июс войною не ходить, и им де под государевы города и остроги также за Июс не ходить» [16, с. 219]. Несколько раз этот гидроним встречается в отписке основателя Ачинского острога Я.О. Тухачевского. Историко-географический анализ контекста отписки позволяет утверждать, что речь идет об Июсе, определение которого дал Миллер.

В отписке Я.О. Тухачевского говорится, что острог он пошел ставить в «Кызыльскую волость», которая «стоит посередь Киргизской земли на реке Июсе к великим угодым к лесам и пашням и санным покосам и к зверям и к рыбным ловлям, и из Красноярского острогу близко, всего за два днища...» [1, с. 69; 17, с. 106]. Исследователи считали, что в данном случае имеется в виду Белый Июс, не обратив внимания на то обстоятельство, что Белый Июс течет в степной зоне. Кроме того, от Красноярска до Белого Июса не менее пяти дней ходу. В одном из документов говорится, что Кызыльская волость находилась на р. Еник, которую Потапов отождествляет с р. Индзул, впадающей в р. Сереж [5, с. 145–146]. Миллер же отмечает, что р. Индзул является левым притоком Июса (Верхнего Чулыма) и находится примерно в двух днях пути от Красноярска [8, с. 213]. Наконец, еще один аргумент в пользу того, что Июс русских документов XVII в. соответствует современному верхнему течению Чулыма. Ни в одном документе, где речь идет о киргизах или «Киргизской земле», ни разу не встречено упоминание Чулыма.

Уточнение наших представлений о гидронимии данного региона позволяет продвинуться в решении таких вопросов, как локализация «порубежных волостей» Томского уезда, «Киргизского рубежа» и ряда других.

Примечания

1. Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II.
3. Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774.
4. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882.

5. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
6. Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // ТТОКМ. 1956. Т. V.
7. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988.
8. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
9. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Я. Миллера. Новосибирск, 1996.
10. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
11. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в XVII веке // Труды ТГУ. 1950. Т. 112.
12. Дульзон А.П. Топонимы // Родной край: Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974.
13. Русско-монгольские отношения. 1606–1636: Сб. док. М., 1959.
14. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док. М., 1996.
15. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1859. Т. VII.
16. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2.
17. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. Абакан, 1995.

Я.Г. Солодкин

Нижневартовский государственный педагогический институт
ОБ ИСТОЧНИКАХ «СИБИРСКОЙ»
СТАТЬИ ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Открытый в конце XIX столетия и спустя полвека широко вошедший в научный обиход Пискаревский летописец (далее – ПЛ) принадлежит к числу самых ранних сочинений, отразивших перипетии завоевания и освоения русскими людьми «восточной страны», отделенной от «Московии» Уралом: статья «О взятии Сибирская земли» в основной части сложилась не позднее зимы 1612/13 г. (Л.Е. Морозова, объявляя Новый летописец (далее – НЛ) конца 1620-х гг. старшим произведением такого жанра о начале присоединения Сибири к России, забывает и про ПЛ, а также возникшие прежде него Поволжский и Соловецкий).

Упомянутая статья в компиляции из собрания Д. В. Пискарева отнесена к «лету» 1584/85 [1, с. 195] – второму году царствования Федора Ивановича, которому, по наблюдению А.А. Преображенского и А.В. Лаврентьева, тут приписана инициатива «посылки» Ермака «со многими» «товарыщи» против Кучума. Заслугой «блаженного» преемника Грозного присоединение Сибири к Московскому государству считается и в Повести патриарха Иова «о честном житии» Федора. Под ее влиянием, как находит Л. Е. Морозова, и сложился интересующий нас летописный рассказ [2, с. 88]. В этой повести, впрочем, о казачьей «дружине» не сказано, а подчеркивается, что на новой российской «украине», с которой стали взиматься «уроки и дани», искоренены «нечистые и бесовския службы», утвердилось «велие» благочестие, в том числе вследствие заселения «православными христианами» [3, с. 4; ср.: 4, т. 1, с. 364]. (О подчинении Зауралья наследником Ивана IV писал в начале XVII в. и француз П. Делавилль де-Домбаль.) Примечательно, что в Хронографе второй редакции, Кратком описании о Сибирской земле и, видимо, зависящем от него НЛ, сибирских летописях, многих дипломатических документах рубежа XVI–XVII вв. [4, т. 1, с. 94; 5, т. 1, стлб. 922, 939, 1042; т. 2, стлб. 466, 989; 6, с. 414–415, 508, и др.] говорится о «взятии» следующего после Казани и Астрахани татарского «юрта» первым московским царем. В посольских материалах, о чем писали А.А. Преображенский и Н.М. Рогожин, подчеркнута и роль казаков, представленных государевыми, в разгроме «улуса» Кучума. В разбираемой статье (с точки зрения А.Ю. Савосичева, кстати, и в предыдущей, посвященной основанию южнорусских городов [7, с. 157]), ощутима тенденция к возвеличению Федора Ивановича, результатом которой и могла стать версия об этом «освятованном» государе (по выражению Ивана Тимофеева) как вдохновителе завоевания Сибирского ханства.

Согласно ПЛ, за «Камнем» «ермаковы казаки» пленили царевича и местных князей, заняли Верхотурье, Тобольск, Березов, Сургут, Уфу и многие другие города. В действительности эти «грады» были воздвигнуты русскими даточными и служилыми людьми, что, в частности, отмечено в НЛ. (Данное обстоятельство, между прочим, опровергает заключение Л.Е. Морозовой, будто «сюжетную канву» повествования создатель «Книги, глаголемой Новый летописец», заимствовал из НЛ). Отличительной чертой анализируемого памятника является повышенное внимание к градострои-

тельству, что позволило высказать предположение о возникновении ПЛ в приказе каменных дел. Но летописца интересует сооружение укреплений, церквей, государевых и боярских хором в столице и Подмоскowie, Смоленске, Новгороде, Пскове, Поволжье, закладка Царева-Борисова. Видимо, о городах Зауралья, да и Уфе, «списатель» знал понаслышке. Вслед за О.А. Яковлевой можно думать, что в части с середины XVI в. в основу ПЛ легли записки москвича – некоего приказного человека. Он был далек, однако, от тех четеЙ, затем Казанского дворца, где ведалась Сибирь в первые годы после ее «взятия» «дружиной» Ермака. Вероятно, в ПЛ упомянуто о пленении Маметкула. Летописное же известие о подобной участи сибирских князей другими источниками не подтверждается.

В ПЛ сказано, что Федор Иванович направил в свою новую «вотчину» с повелением «ставити» города, «заводити пашню» и «всем устроити» Владимира Мосальского, Петра Новосильцева, потом других воевод. О градостроительстве, широко развернувшимся в Сибири после ее завоевания русскими, читаем в десятках посольских наказов; в отдельных из них говорится и о начале складывания за Уралом пашенного хозяйства. Сибирская служба князя В.В. Кольцова-Мосальского получила отражение во многих источниках, включая документальные; о пребывании кашинского выборного дворянина П.И. Новосильцева в «Закаменской стране» мы знаем только по рассматриваемому сочинению, находку которого Л.В. Черепнин счел необыкновенной [8, с. 50]. Возможно, эти сведения летописец почерпнул из «разрядов», к которым обращался довольно часто. Не исключено, однако, что сообщение о воеводстве московских дворян на сибирской «украине» опять-таки передает бытовавшую среди столичных приказных устную традицию, восходящую к показаниям дьяков или подьячих «Разряда».

Со временем интересующая нас летописная статья пополнилась заметками об «обретении» казаками в 1616–1617 гг. «земли» алтын-хана (послы которого побывали «на Москве»), а вскоре Китайского «царства», и отправке в 1620–1621 гг. в Сибирь ее первого епископа Киприана. Точнее, его посвятили в сан архиепископа. В ПЛ упомянуто о «посылке» Киприана в сибирскую столицу царем «Михайлом». Но «Старорушанин», несомненно, был хиротонисан в архиепископы и по воле патриарха Филарета. Любопытно, что об учреждении в Сибири владычной кафедры русским дипломатам предписывалось заявить еще в 1613 г. [5, т. 2, стлб. 989; 9, с. 130],

когда, может быть, и возник замысел открытия в Тобольске архиерейского дома. Подобно С. Есипову и строгановскому «историографу», а также создателям Книги записной, столичный приказный (по-видимому, первой трети XVII в., а не компилятор последующих лет) оценивал назначение Киприана в Сибирь как существенную веху в закреплении этого «царства» за Россией. В уточнении нуждается и свидетельство о том, что вскоре после избрания Михаила Федоровича на трон казаки узнали о стране алтын-ханов: в Москве о ней стало известно еще в 1608 г.

Стоит отметить, что позитивное отношение к казакам помимо разбираемой налицо и в некоторых иных статьях ПЛ [1, с. 193, 204, 215, 217; ср.: с. 212, 219, 258, 261, 263–266], что, между прочим, заставляет внести ограничение в утверждение Р.Г. Скрынникова, будто вследствие Смуты (судя, к примеру, по НЛ) упрочился официозный взгляд на казачество – антиобщественную силу, повинную в грабежах и разбое.

Е.К. Ромодановской представляется, что рассказ ПЛ о походе Ермака передает какую-то местную традицию [10, с. 236, прим. 6]. Но, как показано уже О.А. Яковлевой и М. Н. Тихомировым, этот памятник – явно московского происхождения. Сохраненные им свидетельства о «взятии» Сибири затруднительно возвести к известным нарративным источникам. Отчасти эти свидетельства могут зависеть от «разрядов». Переданная ПЛ версия присоединения и колонизации «Сибирской земли» в целом запечатлела толки и слухи, ходившие в среде столичных приказных. Устная стихия ощутима и в десятках других сообщениях летописца, иногда принимавшегося за мемуары в привычной форме повременных записей.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1978. Т. 34.

2. Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000.

3. ПСРЛ. М., 1965. Т. 14.

4. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890–1892. Т. 1–2.

5. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1852. Т. 1–2.

6. Сборник имп. Рус. Ист. общества. СПб., 1910. Т. 129.

7. Савосичев А.Ю. Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2001. Ч. 1.

8. Пушкарев Л.Н. Смутное время (о книге Л. Е. Морозовой «Смута XVII века глазами современников». М., 2000) // Рос. ист. журнал. 2001. №1(28).

9. Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. М., 1979.

10. Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002.

А.Т. Кашенов

Томский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОСЛОВИЯ

Признание предпринимательства важным инструментом социально-экономических преобразований вызвало резкое увеличение публикаций по данной проблематике. Учеными рассматриваются самые различные аспекты этого социально-экономического института, но вопрос нормативно-правовой регламентации рассматривается фрагментарно, попутно, при решении других задач. Данная публикация представляет собой попытку обобщения как уже имеющегося материала, так и вовлечение в научный оборот новых источников с целью более полного анализа законодательной политики государства в области предпринимательства.

Источниковой базой исследования являются законодательные акты второй половины XVIII в. В отличие от XVII в. действие законодательных актов, касающихся регламентации торговой и промысловой деятельности второй половины XVIII в., распространялось на всю территорию России без каких-либо «изъятий». Об этом свидетельствуют, например, изменения в административном управлении окраинами Российской империи. Если в XVII в. «можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации, и в то же время учета территориальных и национальных особенностей окраин», то в XVIII в. «внутренняя политика характеризуется унификацией системы и методов административно-политического контроля за окраинами». В первой поло-

вине XIX в. явно выражено стремление «выработать универсальную модель управления окраинами» [1, с. 14].

Еще одна особенность законодательных актов XVIII в. заключается в том, что в них содержится мелочная регламентация многих сторон жизни: хозяйственной деятельности, быта, развлечений и т.п. Подоплекой этого был постулат, согласно которому подданные передали свой суверенитет верховной власти.

Во второй половине XVIII в. растет число законодательных актов, отраслевой принадлежности, в отличие от предшествующего периода, для которого характерны межотраслевые нормативные акты, регламентирующие самые разные стороны общественной жизни.

Исследователи вводят в научный оборот новые источники, накапливаются новые знания и, как следствие, складывается все более полное представление о предпринимательстве как особом социально-экономическом институте. Соответственно перед историками стоят две взаимосвязанные задачи в рамках общей цели. Во-первых, выявление функций и мотиваций самого предпринимательства. Во-вторых, определение факторов позитивного и негативного характера, оказывавших влияние на предпринимательство. Причем эти факторы можно разделить на две группы. К первой можно отнести те, которые оказывают влияние на отраслевом уровне (торговля, промыслы, транспорт). Вторую группу составляют территориальные факторы, т.е. те, которые воздействуют на общегосударственном и региональном уровнях.

Реформы первой четверти XVIII в. дали сильный импульс движению России по пути индустриализации и генезису капитализма. Со времен Петра I государство начинает осознавать социальную и экономическую функцию предпринимателей и вырабатывает политику поощрения их деятельности. Экономическую политику второй половины XVIII в. можно охарактеризовать как эволюционное продолжение политики Петра I, направленной на развитие торговли и промышленности. Об этом свидетельствует, например, преамбула Таможенного устава 1755 г.: «Какую общенародную пользу приносит благополучно продолжающаяся коммерция, о том не видится, чтоб нужно было подробно изыскивать, по причине той, что едва не всякому из повседневных обращений плоды оной видимы.... О сем рассуждая бессмертной славы Наш Государь Родитель, Император Петр Великий, чрез неусыпные и повседневные труды, изыскивал все способы и средства российскую

коммерцию в славу всей России и в пользу любезного Нам Отечества, как то и ныне все обстоятельства и разные к тому собственным Его Монаршим трудом изысканные полезные учреждения ясно доказывают» [2]. По мнению Б.Н. Миронова, «именно во второй половине XVIII в. экономическое развитие России вступило в новый период, который ознаменовался формированием капиталистического уклада в рамках феодально-крепостнического строя. К концу XVIII в. мануфактурная форма крупного производства заняла господствующее место в промышленности, а с 1830-х гг. в ходе промышленного переворота начался переход от мануфактуры к фабрике» [3, с. 6].

Важнейшими условиями индустриализации любого общества являются следующие: во-первых, наличие товарно-денежных отношений, т.е. сложившегося единого внутреннего рынка; во-вторых, наличие рынка наемного труда; в-третьих, наличие у предпринимателей объектов собственности и свободных денежных капиталов.

Но движение России по пути вестернизации «было облачено в неадекватные ему социальные формы, что порождало острейшие противоречия» [4, с. 82]. Прежде всего эти противоречия были обусловлены тем, что на мануфактурных предприятиях применялся принудительный труд, т.е. капиталистические по содержанию отношения были облачены в феодальные формы. Крепостное право явилось неизбежным условием европеизации России.

Особую роль в формировании соответствующей среды и форм предпринимательской деятельности традиционно играло государство. Деятельность государства и его учреждений в области экономики на разных этапах исторического развития присутствовала во всех странах. В России она имела более ярко выраженный характер, чем у других народов Европы. Низкая урожайность, зависимость результатов труда от погодных условий обусловили чрезвычайную устойчивость в России общинных институтов. Эти институты являлись определенным социальным гарантом выживаемости основной массы населения.

Большое влияние на русскую историю оказал геополитический фактор. Слабая заселенность Восточно-Европейской равнины и Сибири имела многообразные последствия для истории России. Наличие обширных земельных резервов создавало благоприятные условия для оттока земледельческого населения из исторического

центра России. Данное обстоятельство вынуждало государство усиливать контроль над личностью и экономикой в целом, чтобы не лишиться источников дохода.

С другой стороны, из-за слабой заселенности страны русские в процессе колонизации не имели нужды отвоевывать себе «место под солнцем» в борьбе с коренными народами Центральной России и Сибири. Государство взяло на себя процесс заселения. Особенностью Сибири было то, что присутствовали огромные пространства, но частная инициатива существовала более активно, особенно в процессе заселения.

Крайне осложнило историческое развитие России такой фактор, как естественная открытость границ русских земель для иноземных нашествий с Запада и Востока. Постоянная угроза военных вторжений и открытость пограничных рубежей требовали от России колоссальных усилий по обеспечению своей безопасности: значительных материальных затрат, а также людских ресурсов. Вследствие этого роль государства чрезвычайно усиливалась.

Следующий геополитический фактор – оторванность от морей и морской торговли. Из-за этого продукты экспорта продавались по низкой цене посредникам и у них же по высокой цене приобретались продукты импорта. Чтобы пробиться к морям, России пришлось столетиями вести напряженную борьбу со многими странами. Вследствие этого роль государства и армии в обществе возрастала еще больше.

Активное вмешательство государства в экономические процессы привело к тому, что в России, в отличие от Западной Европы, основным носителем нарождавшегося капиталистического уклада в течение длительного времени была не только буржуазия, но и государство.

В.П. Зиновьев отмечает, что в XVIII в. государственное вмешательство выразилось в насаждении мануфактур, основанных на крепостном труде. В целом разделяя данный тезис, необходимо отметить, что насаждение крепостных мануфактур – явление, характерное прежде всего для Европейской России. Для Сибири было не свойственно широкое использование крепостного труда на мануфактурах, за исключением Алтайского горного округа. С другой стороны, период со второй четверти XVIII в. по первую четверть XIX в. «характерен постепенным вытеснением частного предпринимательства из промышленности феодальными предпринимателями – Казной, Кабинетом, дворянами» [5, с. 3–4]. Например, по

именному указу Елизаветы Петровны к Колывано-Воскресенским заводам из Томского и Кузнецкого уездов и других мест предписывалось приписать крестьян 12925 душ [6]. Об этом также свидетельствуют данные, которые приводит Л.В. Милов [7, с. 526]. Поэтому в XVIII в. купеческие мануфактуры с вольнонаемным трудом не могли и не составляли конкуренции вотчинным и приписным мануфактурам.

Влияние государства на экономические процессы обеспечивалось прежде всего посредством законодательных актов. Это выражалось, в частности, в определении общих условий торгово-промышленной деятельности. Самым сильным рычагом, влиявшим на процесс формирования предпринимательства, была таможенная политика государства. Изменения в экономике страны требовали уничтожения различных и многочисленных барьеров, препятствовавших развитию торговли и промышленности. И наиболее существенной помехой стала таможенная система, которая сложилась во второй половине XVII – первой половине XVIII в.

Важнейшее значение в этой связи имел манифест от 20 декабря 1753 г. об отмене внутренних таможенных пошлин. Его принятие было продиктовано прежде всего стремлением снять внутренние административные препятствия для свободной торговли, так как в преамбуле манифеста прямо указывалось, что «от сборщиков внутрь государства таможенных пошлин происходят отягощения подверженным к платежу оных...» Но не малую роль сыграли и фискальные интересы казны. Об этом свидетельствует доклад инициатора таможенной реформы П.И. Шувалова Сенату от 18 декабря 1753 г., опубликованный в Полном собрании законов Российской империи. В нем, между прочим, отмечается, что «целовальники и с большого числа денег пошлину берут в ящичной сбор, что им чинить запрещено, о чем по делам явно, и что они мимо ящиков у себя удержать, того и познать трудно, сколько принесет, тому и верят» [8].

Однако уже 4 января 1754 г. принимается указ, по которому новую 13-процентную пошлину, предусмотренную манифестом от 20 декабря 1753 г., портовым и пограничным таможням вменялось взимать не с 1 апреля, а «с самого дня получения... указа, считая весь тот день, в который где сей... указ получен будет». Мотивы, по которым были изменены сроки вступления в действие положений манифеста от 20 декабря 1753 г., были очень просты – «для сохранения в том пошлинном сборе Высочайшего Ее Императорского Ве-

личества интереса...» [9]. В результате сложилась весьма противоречивая ситуация. С одной стороны, по указу от 4 января была введена новая пошлина, а с другой – продолжали действовать прежние указы и на внутренних таможах продолжался сбор пошлин, которые отменялись лишь с 1 апреля 1754 г.

Поэтому 23 января 1754 г. Сенатом принимается еще один указ «О распоряжениях для приведения в исполнения указа 1753 года декабря 20, об уничтожении внутренних таможен и сборов; о порядке собирания вновь установленных портовых пошлин с внутренних произведений» [10]. В преамбуле указа устанавливалось, что «в силу... декабря 20 дня указа, надлежащие же в том пошлинном сборе учреждения в Сенате учинены» и это позволяет отменить сбор внутренних пошлин. Сенат установил, что «впредь с публикования... сего... указа... вышеписанных... пошлин не собирать». Внутренним таможням запрещалось давать выписей на товары «под жестоким истязанием, ежели кто-то учинить дерзнет». Сами таможи предписывалось упразднить.

5 января 1754 г. Сенатом принимается указ «Об уничтожении сборов с мостов...» [11], которым также были внесены изменения в манифест от 20 декабря 1753 г. Данный указ отменял сборы с мостов и перевозов, но не с 1 апреля, как это было предусмотрено ранее, а также со дня опубликования указа.

Следующим этапом становится принятие Таможенного устава, который достаточно подробно регламентирует торговую деятельность различных слоев населения. Целью принятия Таможенного устава, как следует из его преамбулы, было «чтоб всякому в Нашем Государстве, а паче тем, кои упражняются в коммерческих делах, в приискании разных указов, и для убежания от погрешностей, в которую б иногда по неведению установленного порядка кто-либо впасть не мог, Всемилостивейше повелели отныне в сборе в портовых и пограничных таможах, в осмотре товаров и в прочем, что до онаго принадлежит, поступать по нижеследующему...» [12, с. 49].

Принятие Таможенного устава стало первым шагом на пути завершения формирования новой социальной и торговой политики во второй половине XVIII в. [13]. Нормы Таможенного устава предоставляли исключительные торговые права прежде всего купцам. Крестьянская торговля была ограничена куплей-продажей строго определенных товаров, необходимых для удовлетворения нужд сельского населения. Дворянская торговля ограничивалась оптовой

торговлей продуктами собственного хозяйства или изделиями своих фабрик и заводов.

Существенные ограничения были установлены указами 1775 г. [14]. По манифесту от 17 марта 1775 г., который был дополнен указом от 25 мая, мещанам, не имеющим капитала свыше 500 руб., запрещалось записываться в купечество. При этом в мещанство вписывались и те купцы, которые имели капитал свыше 500 руб., но ставшие банкротами. С другой стороны, если же кто из мещан «мелким торгом расторгнутся, и капитал свой умножат свыше 500 рублей, тех вписывать в купечество». Купцы имеющие капитал свыше 500 руб., делились на три гильдии и с них взимался налог в 1% с объявляемого капитала. Разделение купечества на три гильдии привело к тому, что купечество 3-й гильдии ограничивалось в торговой деятельности территорией своего уезда, т.е. фактически их положение приравнивалось к положению торгующих крестьян. Однако разница состояла в том, что крестьяне были ограничены в торговле не только территориально, но и перечнем товаров, указанных в реестре, который прилагался к Таможенному уставу.

Анализируя торгово-промышленное законодательство второй половины XVIII в., Л.В. Милов приходит к выводу, что «прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечерноземья» [7, с. 548]. Однако, как уже отмечалось выше, едва ли данный тезис применим к сибирским условиям, в силу обширности пахотных земель.

Еще более жесткие ограничения устанавливала «Жалованная грамота городам», которая увеличила минимальный размер объявляемого капитала, необходимого для вступления в купечество [14]. Ограничения, установленные данными манифестами и указами, привели к тому, что из купечества стали «вымываться» несостоятельные и малосостоятельные элементы [15, с. 30]. Следовательно, законодательство не только вводило ограничения на торгово-промышленную деятельность, но и регулировало численный состав купеческого сословия.

Таким образом, можно говорить, что торгово-промышленное законодательство второй половины XVIII в. устанавливало систему сословных ограничений, начало которой было положено принятием Соборного Уложения. Ограничение крестьянской торговли и

промышленной деятельности имело своей целью также и борьбу с «неуказными» заведениями. Но в то же время отмена внутренних таможенных пошлин и других сборов в некоторой степени «уравнила» всех торговцев – местных и иногородних купцов, торговцев из дворян, крестьян и посадских людей – в обложении внутриторговых операций. В этом смысле все торговцы приобрели «равенство шансов» на внутреннем рынке. Но говорить о полном равенстве конкурентов на внутреннем рынке во второй половине XVIII в. еще нельзя, так как сословная организация общества не предполагала принципа формально-юридического равенства и, несмотря на протекционистскую направленность государственной политики в области экономического развития, важной составляющей были фискальные интересы казны.

Приложения

1. Дамешек И.Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в. (на примере Восточной Сибири): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Иркутск, 1998.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XIV. СПб., 1830. (Далее – ПСЗ РИ-1). №10486.
3. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.
4. Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России: Сб. ст. М., 1993. Ч. 1–2.
5. Зиновьев В.П. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия // Предпринимательство в Сибири: Мат. науч. конф. Барнаул, 1994.
6. ПСЗ РИ-1. Т. XV. №10976.
7. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 2001.
8. ПСЗ РИ-1. Т. XIII. №10164.
9. Там же. №10179.
10. Там же. №10170.
11. Там же. №10486.
12. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001.
13. ПСЗ РИ-1. Т. XX. №14275, 14327.
14. Там же. Т. XXII. №16188.

16. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.

Л.К. Дрибас

Иркутский государственный университет

КЛИРОВЫЕ ВЕДОМОСТИ ЦЕРКВЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Клировые ведомости являются незаменимым и наиболее полным источником сведений о церквях и духовенстве. Клировые ведомости составлялись ежегодно в каждой церкви епархии и содержали характеристику как самой церкви, так и причта. Структура клировых ведомостей утверждалась Святейшим Синодом, и бланки печатались в синодальной типографии. Ведомости включали в себя следующие разделы: сведения о церкви; сведения о причте; о количестве человек, проживающих на территории данного прихода, и памятная запись по церкви за истекший год. Не все клировые ведомости сохранились в архивах духовных консисторий (ГАИО, ф. 50; ГАКК, ф. 674), но благодаря тому, что составлялись они ежегодно, можно восстановить недостающие сведения по ведомостям других лет.

В первый раздел каждой клировой ведомости включаются общие сведения о церкви: когда и на чьи средства она построена; каменная или деревянная; производились ли какие-либо перестройки; сколько и каких престолов находится в церкви; в каком состоянии находится в данный момент времени. Есть ли принадлежащий церкви земельный участок, сколько причта положено по штату, утвержденному Синодом; в каких домах (собственных, церковных, наемных и т.п.) проживает и на какие средства содержится причт; каково расстояние данной церкви от духовной консистории и какие церкви находятся поблизости; перечисляются ценные бумаги, принадлежащие церкви. В клировой ведомости Кафедрального собора также кратко описывается история епархии и перечисляются все архиереи, которые занимали епископскую кафедру от основания епархии.

Во втором разделе «О причте означенной церкви» перечисляются все священно- и церковнослужители, составляющие штат описываемой церкви, и дается детальная характеристика каждого из них: основные биографические сведения (происхождение, обра-

зование, послужной список, награды); данные о семейном положении и составе семьи; нравственном поведении духовных лиц; штрафах и наказаниях, которым они подвергались, и т.д. Ведомости в различных епархиях и церквях могут иметь свои особенности, но они существенно не влияют на структуру источника. С конца 1880-х гг. появляется новая графа, подлежащая обязательному заполнению: есть ли у указанного лица или его жены какое-либо недвижимое имущество.

Анализ клировых ведомостей может проводиться по различным направлениям. Мы рассмотрим некоторые из них.

Интересным является вопрос об образовательном уровне духовенства. Он может освещаться также и в других источниках, в частности, епархиальных отчетах, однако в них данные не персонализированы, как в клировых ведомостях. Поэтому анализ рассматриваемого вида исторических источников позволяет получить ряд дополнительных сведений, например, увидеть, как уровень образования влиял на дальнейшую карьеру священно-церковнослужителя.

Для сравнения возьмем два губернских центра Восточной Сибири – Красноярск и Иркутск. Обобщив данные 1885 г., мы видим, что чуть менее половины священников и протоиереев окончили духовные семинарии (46,7% в Красноярске и 42,7% в Иркутске). В Красноярске уровень образования священников несколько выше, чем в Иркутске, хотя эту разницу нельзя назвать существенной. Среди священников очень редки лица, не имеющие оконченного семинарского образования, а среди протоиереев таких вообще нет. Из неокончивших семинарского курса иркутских священников получили такой сан в позднем возрасте, т.е. либо за заслуги по духовному ведомству: от 43 до 53 лет, в то время как выпускники семинарии практически сразу же посвящались в священники. Причем условия для получения семинарского образования в Красноярске и Иркутске были неравными: если в Иркутске с 1780 г. действовала своя духовная семинария, то в Красноярске она была открыта лишь в 1895 г., а до этого момента духовенство Енисейской епархии обучалось в семинариях Томска или Иркутска.

Можно допустить, что в Красноярске было больше священников, присланных из других епархий. Но данные клировых ведомостей, и только они, позволяют опровергнуть это предположение. Например, из 30 духовных лиц г. Красноярска в 1885 г. 21 чел. (70%) были уроженцами Енисейской епархии, в г. Иркутске в этом

же году из 75–53 (70,7%), т.е. пропорции примерно равны. Если же взять только священников, то картина будет следующая: из 10 священников и 3 протоиереев г. Красноярска 9 были уроженцами Енисейской епархии, т.е. 69,2%; из 33 священников и протоиереев г. Иркутска 22 – уроженцы Иркутской епархии (66,6%).

Привлекающим внимание исследователя является вопрос о составе семьи духовного сословия Сибири. Как правило, перед рукоположением в священники кандидат должен вступить в брак, иначе он может претендовать на этот сан лишь при достижении им возраста 40 лет. Поэтому все священники были женаты либо вдовы. Информация о том, из каких сословий происходили их жены, отрывочна, но и по неполным данным можно составить общее представление об этом. Чаще всего священники выбирали себе в жены представительниц своего же сословия (50–54% как в Красноярске, так и в Иркутске). Семьи представителей духовенства, как правило, не были многодетными: из 44 семей священно- и церковнослужителей в 1885 г. 12 (ок. 27%) имели одного ребенка, 13 (ок. 30%) – двух детей, а семей, имевших 5 и более детей, – 7 (ок. 16%). Самое большое количество детей в семье, зафиксированное в этом году, – 7.

Начиная с 60-х гг. XIX в. в ведомостях отражаются сведения о совершеннолетних детях, живущих самостоятельной жизнью, и можно проследить преемственность в выборе профессии между родителями и детьми. Так как во второй половине XIX в. законами была окончательно уничтожена замкнутость духовного сословия, то указанный вопрос представляется достаточно значимым при характеристике этого сословия. Чаще всего, следуя традиции, сыновья отдавались родителями в духовные училища. Иногда они оканчивали и духовную семинарию и шли по пути духовного служения. Но случалось и так, что сыновья выбирали для себя гражданскую или военную карьеру.

Рассматриваемый вид источника позволяет составить представление об основных занятиях представителей духовенства, помимо их основных обязанностей. Так как казенного содержания духовные лица не получали, зачастую их содержание было весьма скудным, особенно в бедных приходах. Поэтому они нередко занимались преподаванием как в духовных училищах, семинарии и церковноприходских школах (практически все предметы), так и в светских учебных заведениях (Закон Божий). Однако только материальными соображениями этот факт объяснить нельзя. Не редки упоминания о безвозмездном преподавании. Ведь священнослужи-

тели считали, что у них есть две главные задачи в жизни: «пастырство и учительство». Священники часто входили в состав различного рода комитетов: благотворительных, попечительских, статистических, принимали участие в деятельности Российского географического общества и т.д.

Мы рассмотрели только некоторые направления, по которым может вестись анализ клировых ведомостей. В целом же таких направлений можно найти множество. Таким образом, клировые ведомости могут стать источником самых разнообразнейших сведений о сибирском духовенстве.

О.С. Опекун

Алтайский государственный университет

ПЛАНЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ СМОЛЕНСКОЙ ВОЛОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1831 и 1835 гг. были составлены геометрические специальные планы деревень Смоленской волости Алтайского горного округа. В Центре хранения архивного фонда Алтайского края находятся планы большинства населенных пунктов данной волости, а именно: деревень Айской, Верх-Ануйской, Верх-Сетовке, Карасукской, Красноярской, Усть-Каянчинской, Усть-Тюбинской [1]. Эти планы являются ценными историческими источниками, практически не включенными в научный оборот. Поэтому задача данного сообщения заключается в том, чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел.

Геометрические специальные планы отличаются от простых ситуационных планов тем, что не только содержат схематичное расположение того или иного пункта, но и данные о том, сколько десятин земли находилось под домовым обзаводством, огородами, гумнами, часовнями, кладбищами, хлебопашеством, о том, сколько засеяно хлебом, приготовлено залогу, было вспахано, занято под скотским выпуском, сенокосами, болотами, сограми, озерами, логами, увалами, под различного рода кустарниками, дорогами, лесами. Более того, планы представляют информацию о количестве лошадей, рогатого скота, овец, данные о количестве ревизских душ, о составе населения. Планы ценны и тем, что из них можно узнать даты образования вышеперечисленных пунктов. Однако при всей ценности

планы не свободны от недостатков. Так, они не содержат данных о том, какие сельскохозяйственные культуры возделывались. Тем не менее эти планы заслуживают пристального внимания.

По плановым экспликациям в пользовании крестьян состояло удобной земли, т.е. земли под домовым обзаводством, засеянной хлебом, под залогом, сенокосными местами – 32502 десятины 25103 сажень, негодной земли – 44290 десятин 58771 сажень, что в целом составляло 76792 десятины 83874 сажень.

Основными отраслями крестьянского хозяйства были земледелие и скотоводство. Планы свидетельствуют о том, что земля «состояла из чистого чернозема», толщина которого варьировалась от 3 до 16 вершков, а в деревне Айской от 13 вершков до 1 аршина [2]. Важно отметить и то, сколько десятин удобной земли приходилось на 1 ревизскую душу. Так, в деревне Айской приходилось по 70,4 десятины, Верх-Ануйской – 0,18, Верх-Сетовке – 62,3, Карасукской – 17,5, Красноярской – 66,9, Усть-Тюбинской и Усть-Каянчинской – 82,3 десятины. Жители деревень производили от 2 до 7 засевов, а после земля зарастала различного рода травами, в большей степени лебедой, которую употребляли в пищу в неурожайные годы. Что касается вторичной обработки земли, то об этом в планах ничего не говорится. Известно лишь то, что в деревне Верх-Ануйской к вторичной обработке земли обратились лишь через 30 лет [3].

Из планов известно, что хорошо было развито мукомольное дело. Так, в деревне Красноярской на реке Каменке была устроена мукомольная мельница, которую содержал Осип Гумин. В сутки на этой мельнице смалывалось до 80 пудов разного рода хлеба. Хлеб смалывался за деньги – по 2 коп. за пуд [4]. Мукомольные мельницы были устроены в деревнях Верх-Сетовке на реке Большой Сетовке, Усть-Тюбинской на реке Усть-Тюбе, содержал которую Василий Чупин, и в Усть-Каянчинской – на реке Каянче, содержал ее Тихон Шипицын [5]. Как следует из планов, в деревнях Верх-Ануйской, Карасукской, Красноярской хлеб продавали людям различных сословий в разные места [6]. В частности, в деревне Карасукской хлеб отвозили для продажи в город Бийск [7], а вырученные деньги уходили на оплату государственных податей.

Важную роль в жизни крестьян играло скотоводство. Как правило, разводили лошадей, рогатый скот, овец. Причем наличие в деревнях лошадей, рогатого скота, овец было различным. Эти данные положены в основу таблицы 1.

Таблица 1

Количество скота в деревнях Смоленской волости

Населенный пункт	На 1 ревизскую душу		
	лошадей	рогатого скота	овец
Дер. Айская	3	3	2
Дер. Верх-Ануйская	5	9	6
Дер. Верх-Сетовка	6	6	10
Дер. Карасукская	1	1	2
Дер. Красноярская	2	2	3
Дер. Усть-Каянчинская	3	5	2
Дер. Усть-Тюбинская	3	2	2

Источник: ЦХАФ АК. Ф.50. Оп. 4. Д. 68 св.10, 71 св.10, 73 св.10, 74 св.10, 77 св.11, 82 св.12, 90 св.13.

Из таблицы 1 следует, что в разных деревнях на одну ревизскую душу приходилось: лошадей – от 1 до 6, рогатого скота – от 1 до 9, овец – от 2 до 10.

Помимо земледелия и скотоводства, как следует из планов, крестьяне занимались рыбной ловлей, кузнечным делом, изготовлением ружей и пчеловодством, а также занимались на строительство домов. Ценность планов, как исторического источника, заключается и в том, что они позволяют определить состав населения вышеупомянутых деревень. Эти данные положены в основу таблицы 2.

Таблица 2

Численность и состав населения деревень
Смоленской волости по материалам планов

Населенный пункт	Государственные крестьяне	Поселенцы	Иностранцы
Дер. Айская	6	12	2
Дер. Верх-Ануйская	45	26	—
Дер. Верх-Сетовка	20	—	—
Дер. Карасукская	44	13	1
Дер. Красноярская	84	60	—
Дер. Усть-Каянчинская	25	—	—
Дер. Усть-Тюбинская	6	8	—
Итого	285	119	3

Источник: ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 4. Д. 68 св.10, 71 св.10, 73 св.10, 74 св.10, 77 св.11, 82 св.12, 90 св.13.

Из таблицы 2 следует, что численность населения этих деревень составляла 407 д.м.п. с учетом не учтенных ревизией, т.е. проживающих самовольно. Население в большей степени представлено государственными крестьянами и поселенцами. Основную же часть населения составляли государственные крестьяне, на их долю приходилось 285 д. м. п., или 70% от общего числа.

В целом рассмотренные планы позволили представить картину сельскохозяйственных занятий и промыслов деревень Смоленской волости в 30-е гг. XIX в.

Примечания

1. ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 4. Д. 68. Св. 10, 71, 10, 73, св.10, 74, св.10, 77, св. 11, 82 св. 12, 90, св. 13.
2. Там же. Д. 68, св. 10.
3. Там же. Д. 73, св. 10.
4. Там же. Д. 71, св. 10, 77, св.11.
5. Там же. Д. 71, св. 10, 82, св. 12.
6. Там же. Д. 73, св. 10, 77, св. 11, 90, св. 13.
7. Там же. Д. 90, св. 13.

Т.И. Баталова

Барнаульский государственный педагогический университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЧАСТНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СИБИРИ

Источниковую основу проблемы частного железнодорожного строительства в Сибири (Алтайской, Ачинско-Минусинской, Кольчугинской и Кулундинской железных дорог, прокладываемых накануне Первой мировой войны) составляют как опубликованные, так и неопубликованные источники. По своему происхождению и содержанию они делятся на несколько групп: 1) законодательные акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) статистические и справочно-информационные издания; 4) периодическая печать; 5) планово-картографический материал.

Первую группу источников образуют уставы «Собрания узаконений и распоряжений Правительства, издаваемые при правительствующем Сенате». Изучение уставов железнодорожных об-

ществ дает ценный материал о принципах, на которых устанавливались взаимоотношения государства и частных акционерных обществ. Уставы дают сведения о целях учреждения обществ, условиях образования, технических проектах и расценочных ведомостях, условиях производства работ, отчетности перед правительством, организации капиталов в период постройки и эксплуатации. В уставах четко регламентируется деятельность правлений обществ, находившихся в Петербурге, и управлений по постройке дорог, находившихся на местах строительства линий, и функции правительственных органов по надзору за железнодорожными обществами. В качестве дополнений к уставам обществ издавались разрешения о сооружении ветвей к дорогам, о дополнительных выпусках гарантированных правительством облигаций.

Вторую группу источников составляют делопроизводственные материалы – документация государственных учреждений, акционерных железнодорожных обществ, частных коммерческих банков, представительных организаций буржуазии и канцелярии Кабинета. Подавляющее большинство этих документов находится в центральных и местных архивах: РГИА, ЦХАФ АК, ГАКК, ГАТО, ГАНО, ГАИО, ГАОО, АФ ГАКК и архива Алтайского отделения Западно-Сибирской ж.д.

Делопроизводственный материал государственных учреждений представлен фондами Совета Министров, Министерства путей сообщения, Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, Департамента железнодорожных дел, Государственной Думы, Второго департамента Государственного Совета, Государственного контроля, Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Материалы этих фондов характеризуют железнодорожную политику правительства, раскрывают его позиции в вопросах железнодорожного строительства в Сибири. В сведениях о ходе строительных работ скомплектован обширный материал о технической оснащенности строившихся линий, об итогах освидетельствования дорог, готовившихся к эксплуатации, о количестве недоделок, отклонении от расценочных ведомостей. Эти материалы представляют механизм отношений государственных органов и правлений акционерных обществ.

Документы железнодорожных обществ являются основным источником информации о строительстве и вводе в эксплуатацию линий, их доходах и расходах, пробеге подвижного состава, коли-

честве перевезенных пассажиров и грузах. Наиболее полно эти материалы сохранились в РГИА – ф. 291 «Правление общества по постройке Алтайской железной дороги» и АФ ГАКК – ф. 16 «Управление по постройке Ачинско-Минусинской железной дороги». Основную часть материалов этих фондов составляют договоры акционерных обществ с подрядчиками, ведомости и наряды, протоколы акционерных собраний, журналы освидетельствования участков дорог, таблицы о повышении цен на стройматериалы и рабочие руки в связи с начавшейся Первой мировой войной, данные об участии военнопленных и иностранных рабочих в постройке дорог.

Дошедшие до нас делопроизводственные материалы акционерных обществ Кольчугинской и Кулундинской железных дорог представляют собой лишь отдельные фрагменты некогда существовавших комплексов текущего делопроизводства. Основным недостатком документации этих железнодорожных обществ является отрывочность сведений о рабочих – строителях и эксплуатационниках, условиях их труда и быта, определению объемов и стоимости работ, формах и размерах классовой борьбы.

Активную роль в учреждении и финансировании железнодорожных обществ играли петербургские частные банки. В фондах крупнейших российских коммерческих банков РГИА отложились комплексы единообразной документации по истории учреждения и финансирования, уставы, отчеты, списки акционеров, протоколы заседаний, деловая переписка между банками – членами консорциумов.

Финансовые документы Алтайской ж.д. сосредоточены в фонде Учетно-ссудного банка, Кольчугинской – в фонде Международного банка. Фонд Азовско-Донского банка содержит материалы Кулундинской дороги, Русско-Азиатского – Ачинско-Минусинской линии. Отдельные фрагменты финансовой деятельности частных железных дорог Сибири отражены также в фондах Русского для внешней торговли банка, Русского торгово-промышленного, Петербургского частного коммерческого, Сибирского торгового, Русско-Французского банков – членов железнодорожного банковского синдиката.

Делопроизводственные материалы частных коммерческих банков Петербурга дают возможность проследить развитие процесса слияния банков с развивавшейся сибирской промышленностью, процесса монополизации железнодорожного транспорта Сибири. К фондам банков тематически примыкает материал из фондов про-

мышленных монополистических предприятий: «Копикуза», «Богословского горно-заводского акционерного общества», «Росгорна», золотопромышленного общества «Алтай» и фонда «Документов разных лиц, изъятых из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде».

Интересные комплексы источников образовались в результате взаимоотношений государственных учреждений с представительными организациями буржуазии и канцелярией Кабинета. Эти источники содержат богатый материал о заинтересованности буржуазии и Кабинета в развитии железнодорожного транспорта в Сибири и степени их активности при обсуждении вопросов о направлении дорог.

В фондах губернских управлений, городских управ, биржевых комитетов, ГАТО, ЦХАФ АК, ГАКК, ГАИО, ГАНО, АФ ГАКК приводятся подробные данные о численности, составе населения, бюджете и грузообороте городов. Здесь же приведены ведомости о сборе хлеба, фуражного зерна, количестве скота у населения, списки торговых домов, договоры об учреждении товариществ, сведения о количестве промышленных и кустарных предприятий, т.е. представительными организациями местного буржуазии обосновывалось право города стать железнодорожной станцией.

Третья группа источников представлена статистическими и справочно-информационными изданиями Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Совета съездов представителей промышленности и торговли. Они содержат массовые сведения о техническом и финансово-экономическом состоянии сети и позволяют проследить общие процессы и динамику транспорта как отрасли народного хозяйства. Статистический и справочно-информационный материал, характеризующий отдельные стороны железнодорожного хозяйства, представлен как в отчетах по эксплуатации железных дорог, так и в отдельных статистических сборниках. На основе годовых эксплуатационных отчетов и специальных материалов, поступавших в отдел статистики и картографии Министерства путей сообщения, а также в Государственный контроль от правлений и управлений обществ, составлялись «Статистические сборники МПС», «Сведения о железных дорогах». Важные сведения о транспорте Сибири, о конкурентной борьбе содержатся во Всеподданейших отчетах Государственного контролера и министра путей сообщения. Эти материалы статистики и справочной информации имеют одну общую особенность: приво-

димые в них данные зачастую несопоставимы и не дают правильной социально-экономической характеристики изучаемых явлений.

Четвертую группу источников составляет периодическая печать. Важнейшее значение имеют издания отраслевой журналистики – «Биржевые ведомости» и «Торгово-промышленная газета». В них публиковались статистические обзоры, списки предпринимателей, извлечения из годовых отчетов, балансы частных железнодорожных обществ. Списки членов акционерных компаний, данные о прибылях и убытках содержатся в таких изданиях, как «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Финансовое обозрение», «Финансовая газета», «Биржа», «Биржевая спекуляция и акционерное дело», «Биржа за неделю», «Банки и биржа», т.е. в изданиях, выражавших интересы крупной российской буржуазии.

Публиковавшиеся в них сведения отражали историю возникновения железнодорожных обществ Сибири с момента ходатайства предпринимателей о получении концессии на строительство до образования акционерного общества.

Вопросы железнодорожного освоения Сибири оживленно обсуждались и на страницах сибирских изданий либерально-буржуазного направления: «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Сибирь», «Утро Сибири», «Ачинские известия», «Жизнь Алтая» и др. Эти издания дают материал, который позволяет судить о степени заинтересованности буржуазии центра и Сибири в железнодорожном строительстве за Уралом, дают информацию о различных проектах линий. На страницах этих изданий иногда публиковались фрагментарные материалы об условиях труда и быта рабочих и служащих частных железных дорог.

Скромные результаты дали исследования железнодорожной прессы. Журналы «Вестник путей сообщения», «Железнодорожная служба», «Воля и думы железнодорожника» и другие приводят некоторые сведения общего характера об экономической и железнодорожной политике правительства. Материалы периодической печати требуют внимательного изучения и сопоставления с другими источниками. В прессе часто печатались непроверенные и противоречивые сообщения, рассчитанные на сенсацию.

Пятую группу источников представляет планово-картографический материал, который является итогом деятельности изыскательских партий Министерства путей сообщения и частных предпринимателей в Сибири и Северном Туркестане. Этот материал со-

средоточен в фондах Министерства путей сообщения, Второго департамента Государственного Совета, Переселенческого управления, Техническо-инспекторского комитета железных дорог Министерства путей сообщения РГИА.

Кроме карт районов проектируемых линий здесь же хранятся графики и планы отдельных участков дорог; географические и экономические карты Томской, Енисейской, Иркутской губ., Северного Туркестана; проекты виадуков и мостов через реки Обь, Енисей, Иню, Бердь, Абакан, Бурлу, Тептятку и другие; планы и проекты водоснабжения станций; альбомы сооружений на линиях и другие материалы, которые дают наглядное представление о масштабах строительства железнодорожного пути и искусственных сооружений.

Таким образом, проблема истории частного железнодорожного строительства в Сибири основывается на широком круге разнообразных исторических источников. Они не всегда полны, не все сведения можно проверить и сравнить. Но в целом все группы источников в совокупности, дополняя и корректируя друг друга, дают представительный и достоверный фактический материал.

А.В. Новашов

Кемеровский государственный университет

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.
В ФОНДАХ РГИА**

Временные Правила о печати от 24 ноября 1905 г. вызвали настоящий газетный бум как в центре страны, так и в регионах. В начале XX в. повременные издания заняли беспрецедентное место в общественно-политической и культурной жизни Сибири. История дореволюционной периодической печати восточной окраины до сих пор не получила всестороннего освещения.

Основная масса документов РГИА, касающаяся сибирской периодики, сосредоточена в фонде 776 (Главное Управление по делам печати). Интерес главным образом представляет 2-я часть описи 21. Эта опись содержит дела 3-го отделения ГУПДП в период с 1906 по 1917 г. «по изданию» провинциальных, в частности, западносибирских газет и журналов (города Томск, Омск, Новони-

колаевск, Тюмень, Барнаул, Бийск, Курган, Семипалатинск). Дело заводилось на каждое разрешенное местной администрацией периодическое издание и датировалось тем годом, в котором было заведено. Нумерация единиц хранения, содержащихся в описи, отдельная для каждого года. Наибольшее количество дел приходится на 1906 г. (в этот год возникло больше всего газет). В указанный период среди частных повременных изданий доминировали газеты либерального направления, однако в описи хранятся и дела, касающиеся печати монархической, а также специализированных и юмористических журналов. Единицы хранения содержат свидетельства, разрешающие издания газет; переписку губернаторов, исполняющего обязанности томского инспектора по делам печати с начальником ГУПДП, в которой последний информировался о программе газеты, ее политическом направлении, об административных взысканиях, налагаемых на редакторов (штраф, приостановка, арест номера, закрытие газеты), возбуждаемых уголовных преследований. Кроме того, здесь можно обнаружить номера газет (в том числе конфискованные), сведения о тираже (в повременных изданиях тех лет тираж не указывался), информацию о сотрудниках органов печати (многие авторы публиковались под псевдонимом или подписывались инициалами). В обязательном порядке указывался социальный статус редакторов и издателей (разброс здесь достаточно широк – от крестьян до потомственных дворян). Объем большей части дел не превышает 2–4 листов (это объясняется, в частности, тем, что многие газеты прекращали свое существование после выхода нескольких номеров), однако некоторые единицы хранения содержат 15–20 и более листов.

«Сибирская жизнь» – крупнейший печатный орган региона. По материалам фонда ГУПДП его историю можно проследить с момента ходатайства потомственного почетного гражданина Петра Ивановича Макушина от 22 марта 1894 г. о разрешении издавать газету вплоть до 1917 г. (Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1, 2). Объем обеих частей дела составляет несколько сот листов. Более сотни листов содержит дело об издании в Петербурге журнала «Сибирские вопросы» (Ф. 776. Оп. 9. Д. 1330). Кроме того, «дело по журналу» названному выше хранится в фонде С.-Петербургского комитета по делам печати (Ф. 777. Оп. 7. Д. 808). Все единицы хранения, о которых шла речь, микрофильмированы.

Р.Д. Галиева
Барнаульский юридический институт МВД РФ
**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
О ПОЛОЖЕНИИ ТОРГОВЫХ СЛУЖАЩИХ**

Среди источников о положении торговых служащих существенное место занимают материалы периодической печати. Вопросы положения этой группы лиц наемного труда в Сибири освещались преимущественно в таких газетах и журналах, как «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение», «Степной край», «Утро Сибири», «Сибирский наблюдатель».

Газета либерально-буржуазного направления «Сибирская жизнь» (1897–1916 гг.) чаще других периодических изданий обращала внимание на вопросы профессионального движения торговых служащих, их правовое и экономическое положение. Особый интерес представляют опубликованные на страницах газеты результаты анкетных обследований торговых служащих Сибири, проводимых обществами взаимопомощи приказчиков [1]. Анализ анкетных данных позволяет сделать выводы о численности приказчиков, продолжительности рабочего дня, оплате труда, образовании, заболеваемости. Сведения по этим вопросам существенно корректируют показатели официальных материалов или восполняют пробелы при их отсутствии. Кроме того, «Сибирская жизнь» публиковала заметки о работе обществ приказчиков, создании и деятельности смешанных комиссий по нормировке труда, забастовках и других формах протеста. В одном из номеров газеты была опубликована краткая история движения приказчиков.

Газета «Сибирский вестник», издававшаяся в Томске с 1882 г., также носила ярко выраженный буржуазный характер. В газете публиковались бытовые заметки о нравах купечества, о взаимоотношениях хозяев и приказчиков. Газета «Утро Сибири» (1911–1916) в 1912–1914 гг. поместила на своих страницах большое количество материалов о торговых служащих Омска, Томска, Иркутска, Новониколаевска, Барнаула. Темы публикаций касались организации ссудосберегательных касс и обществ торговых служащих, забастовок, оплаты и нормировки труда. Редакции сибирских газет нередко публиковали письма и групповые заявления торговых служащих, стремящихся обратить внимание широких кругов обще-

ственности на свое тяжелое материальное положение и произвол хозяев. Так, по подсчетам А.П. Толочко, в 1910–1912 гг. на страницах только четырех сибирских газет («Сибирская жизнь», «Алтайская газета», «Жизнь Алтая» и «Утро Сибири») было опубликовано около 60 таких писем и заявлений [2].

Материалы, опубликованные в сибирской прессе, нередко отражали черты социально-психологического облика торговых служащих. Так, например, газета областнического направления «Восточное обозрение» (1882–1906 гг.) отмечала, что слово «приказчик» часто произносится иронически, является синонимом нравственной пустоты, пошлой безвкусной франтоватости [3].

Существенно дополняют наши представления о социальном облике торговых служащих очерки И. Мытаря (Т. Ефимова), опубликованные в 1903–1907 гг. в журнале «Сибирский наблюдатель»: «Письма из городов», «Чеканщик (Из быта торговых мальчиков)» и др. В Омске в течение непродолжительного времени (июль–октябрь 1906 г., Ред. Т. Ефимов (№1–5), В. Пиранг (№6–10) издавался журнал «Сибирский приказчик». Это было профсоюзное издание с линией на беспартийность. Последние номера журнала имели социал-демократическую направленность.

Анализ сибирской периодической печати рассматриваемого периода показал ее внимание к положению торговых служащих, их участию в общественном движении. Интерес либерально-буржуазной прессы к торговым служащим заметно повышался в рассматриваемый период дважды: в 1905–1907 гг. и 1910–1914 гг. Периодическая печать Сибири, не поднимаясь на уровень обобщения, подчеркивала бесправное положение приказчиков, патриархальность их взаимоотношений с хозяевами. В целом сибирская периодическая печать является ценным и незаменимым источником по истории оформления и становления профессиональной группы торговых служащих в регионе.

Примечания

1. Сибирская жизнь. 1908. 25 окт.; Сибирская жизнь. 1913. 3 окт.
2. Толочко А. П. Движение торговых служащих Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8: Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1973.
3. Восточное обозрение. 1883. 12 дек.

П.Л. Нестеренко
Томский государственный педагогический университет
**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
ОБ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ
(1918–1919 гг.)**

Иностранная вооруженная интервенция стала одним из наиболее важных этапов гражданской войны в Сибири. Каждая из сибирских губерний, на территории которой находились иностранные войска, является предметом отдельного исследования для историков. Вместе с тем любому из сибирских регионов были присущи свои собственные, специфические черты. Эта специфика проявилась и в период иностранного военного присутствия стран Антанты и США, чья наиболее активная фаза пришлась на 1918–1919 гг.

Одним из таких районов Сибири стала Алтайская губ. Особенностью данной территории выступала ее некоторая удаленность от центров политической борьбы, таких как Омск, Томск, Харбин, Владивосток и др. В то же время ни в коем случае нельзя говорить об «аполитичности» Алтая. К середине 1918 г. Алтай так же, как и другие районы Сибири, оказался втянутым в водоворот многих событий гражданской войны. В конце июня 1918 г. ряд городов Алтая – Бийск, Барнаул, Камень – был захвачен антибольшевистскими силами [1]. Параллельно с ликвидацией советской власти происходил и процесс проникновения на Восток России иностранных вооруженных формирований. В дальнейшем именно этот фактор сыграет свою решающую роль в деле объединения многих антибольшевистских групп и установлении в Сибири режима военно-политической диктатуры адмирала А.В. Колчака.

Сам по себе факт иностранного вторжения в Сибирь достаточно полно отражен во многих источниках (неопубликованные и опубликованные архивные материалы, мемуарная литература, правительственная документация и т.д.). Вместе с тем в отдельную категорию источниковедческого анализа следует выделить и региональную периодическую печать. Являясь самым распространенным и наиболее эффективным средством массовой информации, периодическая печать позволяет в значительной мере дополнить другие источники, привнести некую эмоциональную окраску в изложение фактического материала.

Применительно к алтайской периодике следует сказать, что она так же, как и пресса других районов Сибири, освещала и анализировала факты иностранного присутствия, пыталась высказать свое собственное мнение по вопросам межгосударственных отношений антибольшевистской России со странами Антанты и США. Достаточно большое количество публикаций в алтайских периодических изданиях по этой теме пришлось на середину осени 1918 г. К тому времени все более и более очевидным становилось то, что так называемая демократическая контрреволюция в Сибири практически исчерпала свой потенциал и требует замены на более эффективную форму государственного управления. В данной ситуации особенно важной выступала ориентация на иностранную военную помощь. В обозначенный отрезок времени периодическая печать Алтая, судя по публикациям, рассматривала в качестве наиболее сильных союзников России два государства: США и Японию. Так, 4 октября 1918 г. на страницах газеты барнаульских меньшевиков «Новый Алтайский луч» была помещена подборка информационных сообщений ряда других газет региона. Общий их смысл сводился к тому, кого в итоге может и должна предпочесть Россия. Настроение сибирских газет было явно проамериканским, так как окончательный вывод звучал следующим образом: «И если для нас наиболее симпатичной является Американская Республика, то совершенно неизвестным сфинксом выступает Япония и только люди, посвященные в тайны восточной дипломатии, с упованием и надеждой взирающие на восток, уже давно что-то почуяли и еще два месяца тому назад признали Сибирь обреченной жертвой и обреченной жертвой ни кого иного, как Японии».

В дальнейшем алтайская периодическая печать также уделяла пристальное внимание присутствию американских и японских войск на территории Сибири. Однако после омских событий 17–18 ноября 1918 г. внимание прессы постепенно переключилось на факты конкретного взаимодействия колчаковского правительства и союзников. Одним из таких вопросов стала дальнейшая судьба сибирских железных дорог, на контроль которых претендовали и США и Япония.

Особое беспокойство алтайских газет вызывало постоянное стремление Японии фактически единолично контролировать эту стратегически важную сферу государственной экономики «белой» Сибири. Уже в конце 1918 г. в том же «Новом Алтайском луче»

была опубликована критическая статья С. Нилова «Накануне оккупации». Рефреном по тексту статьи проходила мысль об угрозе захвата Японией железных дорог Сибири. Отметив ставшее уже традиционным соперничество Токио и Вашингтона, автор пришел к следующему выводу: «Таким образом, вопрос о судьбе сибирских железных дорог близится к своему разрешению. Японские финансовые тузы ищут применения своих капиталов из наполненных во время войны сокровищ; в их ведение уже перешел Северный Китай. И японская финансовая олигархия хочет свою китайскую политику эксплуатации применить в Сибири» [3].

Вопрос о совместном российско-иностранном управлении железными дорогами обсуждали не только социалистические газеты Алтая. Свою посильную лепту внесла и кадетская периодическая печать. В отличие от эсеров и меньшевиков, алтайские кадеты были настроены менее критично по отношению к интервентам. Как правило, кадетская пресса предпочитала информировать своих читателей об уже свершившихся фактах сотрудничества России и союзников в деле совместного управления железными дорогами. В частности, 28 января 1919 г. на страницах барнаульской «Народной свободы» была опубликована серия заметок и небольших статей, посвященная деятельности междусоюзнического комитета, который и занимался проблемами эксплуатации железных дорог Сибири. Особый акцент в этих публикациях делался на то, что председателем данного комитета был член колчаковского правительства В.А. Устругов. Тем самым со стороны кадетских газет была осуществлена попытка успокоить общественное мнение, по крайней мере, сделать его менее негативным по отношению к иностранным войскам.

Столь же острый интерес алтайской периодической печати вызвала и идея о возможном проведении на Принцевых островах конференции всех правительств России. В большинстве случаев отношение сибирской прессы к этому потенциальному мероприятию было отрицательным. Ни один из аспектов взаимоотношений «белой» Сибири и союзников не вызвал столь единодушных оценок партийной печати региона и Алтая в частности. Небольшая разница наблюдалась лишь в эмоциональности при подаче материала. Несколько резче были настроены эсеровские и меньшевистские издания. Так, в своей статье «Трагическое положение» один из корреспондентов «Нового Алтайского луча» по фамилии Дарский

подчеркивал: «...гордиев узел русской жизни не будет распутан, как того желали бы союзные правительства, а будет разрублен ростом внутренних и внешних противоречий русской жизни...» [2].

Более спокойную и взвешенную информацию своим читателям предоставляла официальная пресса губернии. Подбор и публикация сообщений в ней происходили таким образом, чтобы убедить население в том, что иностранное присутствие, а следовательно, и помощь союзников «белой» Сибири будут продолжаться и впредь. В частности, 18 февраля 1919 г. официальный губернский печатный орган «Алтайский вестник» поместил на своих полосах ряд сообщений по данной проблеме. Одно из них, озаглавленное «Вооружение и снаряжение от союзников», содержало следующую информацию: «Поступающее с Дальнего Востока снаряжение и вооружение от союзников продолжает прибывать с прежней интенсивностью и регулярностью. После известного решения мирной конференции о «Принцевых островах» интенсивность поступлений не только не уменьшилась, но значительно увеличилась». Спустя еще некоторое время, уже 7 марта 1919 г., тот же «Алтайский вестник» одним из первых опубликовал сообщение, полученное по каналам парижского информационного агентства «Унион», о том, что в виду категорического отказа антибольшевистских правительств России конференция на Принцевых островах не состоится.

После закрытия этой темы алтайская пресса вновь сфокусировала свое внимание на соперничестве в регионе между США и Японией. Ряд печатных изданий даже попытались спрогнозировать возможное развитие событий. 16 марта 1919 г. на страницах бийской социалистической газеты «Алтайский край» была помещена статья «Роль и значение России». Автор данной публикации скрыл свое настоящее имя под псевдонимом Верус. Давая собственную оценку ситуации экономического противостояния Токио и Вашингтона, он пришел к следующему заключению: «Но здесь, в Сибири и Китае, Америка столкнется с японским потоком товаров, что приведет к самой ожесточенной борьбе за рынки... Ясно, на чьей стороне будет Россия, в ту сторону и склонятся весы военного счастья».

Вновь в менее эмоциональных тонах выступала кадетская газетная периодика Алтая. Как и в предыдущих случаях, данные издания предпочитали писать о фактах (реальных или запланированных) иностранной помощи колчаковской Сибири. В течение зимы–

весны 1919 г. в крупнейших городах региона состоялась серия встреч между специальной комиссией из США и представителями земств и городского самоуправления. В ходе этих встреч были обсуждены вопросы кредитования на развитие банковской системы Сибири, а также предоставления помощи сельскому хозяйству. Это стало поводом для появления в одном из номеров барнаульской «Народной свободы» пространной статьи «Экономическая помощь Америки земствам и городам Сибири». Акцент в данной публикации делался на размеры предполагаемого денежного вложения США в сибирскую экономику: «Особо стоит вопрос о заключении займа для финансирования проектируемого земско-городского банка Сибири в сумме 10 млн руб. на срок не менее 20 лет с ежегодным погашением. В сфере снабжения Америкой самоуправлений Сибири речь идет прежде всего о снабжении крестьян с/х машинами, орудиями, медикаментами, учебными пособиями и т.п. приблизительно на сумму 600 млн руб.» [3].

Разумеется, что не только США и Япония попадали в сферу внимания алтайской периодической печати. Значительное число информационных сообщений было посвящено также Великобритании и Франции. Как правило, это были заметки, либо перепечатанные новости телеграфа, которые публиковались в официальной и кадетской прессе. Так, уже 13 мая 1919 г. в одном из номеров «Алтайского вестника» сообщалось о том, что «британское правительство снабдило Омское правительство военным снаряжением, достаточным для того, чтобы снабдить армию в 150000 человек... винтовками в количестве 138720 шт., патронами для винтовок – 105473400 шт., ручными гранатами в количестве 485448 шт.». Актуальность подобных публикаций была продиктована прежде всего тем, что с середины весны 1919 г. наступление колчаковских войск было не просто остановлено, а в ряде случаев повернуто вспять. Тем самым вопрос о военной помощи “белой” Сибири со стороны интервентов приобретал для подавляющего большинства периодических изданий особую остроту.

В период лета – начала осени 1919 г. характер публикаций в сибирской и, в частности, в алтайской прессе вновь несколько изменился. На этот раз многие газеты опубликовали сообщения о возможном признании Омского правительства в качестве Всероссийского. Для данного промежутка времени было характерно размещение на газетных полосах информации иностранных телеграфных

агентств и зарубежных печатных изданий, интервью представителей союзного командования и колчаковского правительства. Однако этот вопрос так и не получил своего положительного для Омска разрешения и уже с середины осени 1919 г. количество публикаций об иностранном присутствии в Сибири значительно сократилось.

Подводя итог, следует отметить, что материалы периодической печати (в данном случае Алтайской губ.) дают возможность исследователю в достаточно большой мере дополнить информацию других источников, проследить динамику взаимоотношений властных структур «белой» Сибири и союзников и выйти тем самым на качественно новый уровень в изучении проблемы Гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции на Востоке России.

Примечания

1. Худяков А. Гражданская война на Алтае. Барнаул, 1952.
2. Новый Алтайский луч. 1919. 6 февр.
3. Народная свобода. 1919. 30 марта.

А.Г. Киселев

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск)

ВЕКСЕЛЬНЫЙ КРЕДИТ ГОСБАНКА В ОТРАЖЕНИИ ИНСТРУКЦИЙ И ЦИРКУЛЯРОВ (конец XIX – начало XX в.)

С середины 1890-х и примерно до середины 1900-х гг. руководство Государственного банка уделяло большое внимание организации вексельной операции. Учет торговых векселей – важнейшая и самая массовая банковская операция рассматриваемого периода – представлял собой банковский кредит клиента под выписанные на его имя векселя. В циркулях 1860 – начала 1870-х гг. определялись основные правила такого кредитования: норма кредита (сумма учитываемых векселей клиента), устанавливавшаяся ежеквартально с участием Учетного комитета филиала и утверждаемая Центральным управлением банка, не должна была превышать кредитоспособности клиента. При этом предлагалось обращать «строгое внимание» и на достоинство предъявляемых к учету векселей [1, л. 1].

Жесткие условия, продиктованные стремлением кредитора к безопасности, очень скоро обнаружили свою негибкость. Быстрый рост торговых оборотов требовал оперативного расширения вексельного кредитования. Циркуляры 04.02.1874 г. и 16.02.1885 г. уже допускали возможность в определенных случаях превышение нормы кредита, наконец, циркуляры 18.02.1893 г. и 04.03.1894 г. указывали как исходную величину уже не норму, а общую кредитоспособность клиентуры и вновь подтверждали возможность превышения нормы при строгом отборе векселей. Причем в период между очередными утверждениями нормы кредита Центральным управлением банка, идти на это филиалам разрешалось самостоятельно [1, л. 1–1 об.]. Впрочем, уже циркуляром от 27.02.1895 г. управляющий Государственным банком заявлял о недопустимости использования вновь открытого кредита до его утверждения Центральным управлением, когда размеры его превышали пределы местной компетенции. Было указано также на частое отсутствие необходимой мотивировки при представлении новых кредитов на утверждение [1, л. 3]. Последний мотив повторялся в инструкции 07.10.1897 г. [1, л. 30]. Очевидно, что известная непоследовательность инструкций центрального управления и управляющего банка была вызвана колебаниями конъюнктуры, противоречием между соображениями безопасности и стремлением наращивать торгово-вексельный кредит, наконец, состоянием этой операции в местных филиалах. Инструкция 30.07.1899 г. отразила очередной маневр банка. Констатируя определенный успех в расширении торгового краткосрочного кредита и «большую строгость» многих филиалов к возможности превышения кредитов, она говорила о такой возможности при условии представления к учету торговых краткосрочных векселей. При этом центральное управление предлагало даже «не стесняться» ст. 21 Наказа по учетной операции, допускавшей увеличение кредита не иначе как по ходатайству клиента. Местным филиалам самим было вменено проявление соответствующей инициативы [1, л. 38, 38 об.].

Существенные перемены в деловую жизнь внесли революционные события 1905–1907 гг. Государственный банк, стремясь поддержать деловую активность в 1905 г. в отступление от общих правил, ввел новые льготы в отношении переписки векселей, их протестов, восстановления закрытых кредитов, рассрочки долгов, приема в переучет более долгосрочных векселей и т.п. В феврале

1906 г. особое совещание управляющих учреждениями банка высказалось за более сдержанное применение этих норм. Однако вплоть до весны 1907 г. местные филиалы не только не проявляли требуемой сдержанности, но и фактически устранились от понуждения клиентуры к погашению задолженности. Циркуляр 08.03.1907 г. признавал несвоевременность расширения активных операций. Некоторая стабилизация операции вексельного кредитования в начале 1907 г. по 12 районам деятельности банка, не коснулась Сибирского, наряду с Северным и Северо-Западным районами, в которых продолжался рост этой операции [2, л. 202].

Один из последних довоенных циркуляров, затрагивавших тему вексельного кредита, 26.01.1910 г., анализируя ситуацию с развитием учетно-вексельной операции (наибольшее сокращение в сравнении с другими активными операциями за 1903–1910 гг.), вновь говорил о необходимости развития вексельного кредита – теперь применительно к новым условиям: «успокоения» в стране, увеличения притока в банк денежных средств, а также хорошего урожая 1909 г. Местные филиалы должны были использовать при этом прежние методы – увеличение кредитов по собственной инициативе и допущение превышений за счет краткосрочных торговых векселей [3, л. 18 об.]. Циркуляр 26.01.1911 г. исходя из общего состояния торгово-промышленного развития страны предусматривал некоторое расширение компетенции учреждений банка в деле самостоятельного назначения кредитов по учету векселей. Наконец, циркуляр 07.03.1912 г., отмечая возможность роста удельного веса векселей сроком до 6 месяцев в сравнении с трехмесячными векселями в связи с уравниванием учетного процента на них, ориентировал местные филиалы допускать к учету шестимесячные векселя только в том случае, когда совершенно невозможно представить краткосрочный материал [4, л. 38].

Значительно более сдержанным было отношение Государственного банка к торгово-промышленному и промышленному кредиту на оборотные средства. Циркуляр 07.08.1895 г. предписывал руководству учреждений банка ведение отдельного учета векселей разных категорий. При этом клиентуре, пользующейся одновременно (торгово-) промышленным и торговым кредитом, предлагалось либо совершенно закрыть последний, либо сократить его на величину первого [1, л. 8]. Циркуляр 30.06.1899 г., ориентировавший местные филиалы на расширение торгового краткосрочного

кредита, предупреждал о недопустимости превышения нормы кредита за счет неторговых векселей [1, л. 38]. Иную позицию находим в циркуляре 26.01.1910 г. «О направлениях активных операций Государственного банка». Нормализация кредитного рынка после «расстройства» революционных лет ставит в повестку дня постепенное наращивание активных операций, и торгово-промышленный кредит выступает как одно из важных направлений их развития: «стремясь к краткосрочности и товарности портфеля, устав Банка и действующий по операции наказ отнюдь не исключают возможности приема к учету векселей, выдаваемых для торгово-промышленных целей при соблюдении лишь особо установленных на сей предмет условий, дающий уверенность в полной обеспеченности интересов банка и производительном назначении его затрат» [3, л. 18 об.].

Одной из проблем вексельного кредита 1890-х гг. являлось производство протеста. В циркулярах 07.08.1895 и 05.10.1895 г. Инспекция Центрального управления банка, отмечая разночтения в вопросе о возможности повторного открытия кредита клиенту, допустившему векселя до протеста, определяла, во-первых, круг лиц, которым кредит мог быть сохранен или открыт повторно (предъявитель, не проживающий и не имеющий своих агентов в том месте, где вексель, допущенный до протеста, назначен был платежом – при обязательном немедленном выкупе этого векселя), во-вторых, сам порядок сохранения или повторного открытия кредита и его документального оформления [5, л. 3].

Наряду с управлением вексельным кредитованием Государственный банк регулировал и «технику» его осуществления, в том числе давая указания Учетным комитетам филиалов (циркуляр 07.08.1895 г. указывал на часто «гадательный» характер их информации о заемщиках) [1, л. 7], наставляя филиалы по вопросам оперативности (инструкции Инспекции банка 10.09.1897, 12.06.1910, 28.12.1911 гг. отмечали наличие «повторяющихся случаев» промедления в оформлении операции) [5, л. 5; 3, л. 119], пытаясь отрегулировать отношения с нотариатом [6].

В целом циркуляры и инструкции Государственного банка дают ценный материал как для характеристики условий кредитования отечественного предпринимательства, так и развития кредитной системы как важнейшей составляющей модернизационного обновления экономики страны.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5.
2. Там же. Д. 2.
3. Там же. Д. 37.
4. Там же. Д. 76.
5. Там же. Д. 3.
6. Там же. Д. 25. ЛЛ.: 5–5 об., 48; Д. 41. ЛЛ.: 38–38 об.; Д. 96. Л. 83.

Л.А. Вишнякова

Барнаульский юридический институт МВД РФ

Е.П. КЛЕВАКИН ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ АРЕСТАНТОВ В ТОМСКОМ ТЮРЕМНОМ ЗАМКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Своеобразным историческим источником является мемуарная литература. Она дает возможность исследователю не только изучить факты, но и почувствовать дух эпохи. Источником подобного рода являются записки Е.П. Клевакина, значительную часть своей жизни прослужившего в различных подразделениях МВД, в том числе смотрителем Томского тюремного замка. На основании данного документа уже подготовлен ряд публикаций, дающих возможность ознакомиться со спецификой данного исторического источника [1].

Значительное внимание Клевакин уделил организации самоуправления заключенных в рамках арестантской тюремной общины – артели. Тема арестантской артели, бесспорно, рассматривалась в литературе, однако взгляд Клевакина помогает увидеть детали, штрихи, неразличимые в источниках более официального характера.

В Сибири тюремную артель называли «кобылкой». Управлялась общинная жизнь общими и камерными старостами, а также решением общего схода. Все было подчинено особому кодексу поведения, за нарушение которого жестоко карали. Негласную власть имели и так называемые местные острожные адвокаты, или сочинители прошений. Влияние последних тайное, но, по мнению автора, иногда очень сильное.

Главный представитель арестантов – общий староста – выбирался обыкновенно на один месяц гласным образом на общей кухне, причем, по впечатлению автора, побеждал тот кандидат, за которого «голосовали» наиболее шумно. Как правило, в общие старосты избирались лишь те арестанты, которые получали большие

сроки каторжных работ. Утверждение символизировал холщовый фартук, который надевался сразу же после избрания и носился в течение всего срока исполнения обязанностей. Официальные обязанности общего старосты заключались в получении от эконома провизии на общий котел, он же принимал и распределял подавание, хлопотал об интересах артели перед тюремной администрацией, выступал зачинщиком тюремных беспорядков – «волынок» [2, л. 53 об.–54.]. Камерные старосты, по сравнению с общим, не имели никакой власти, они лишь участвовали в получении продуктов для общего котла, уже приготовленной пищи, а также вели счет камерного «населения» для проводимых поверок.

Тюремная артель имела свои статьи доходов, одной из основных являлся доход от содержания так называемого майдана – тюремной торговли продуктами питания, а также предоставлением услуг на запрещенные в тюрьме азартные развлечения. Доходными статьями артели являлись также деньги, получаемые с арестантов, выполняющих хозяйственные по замку работы за жалованье тюремного комитета; выплаты «за парашку», которые взимались с новичков, поступавших в замок, причем величина суммы зависела от состоятельности арестанта и составляла от 50 коп. до 15 руб. [2, л. 53 об.].

Полученные деньги употреблялись на общие надобности артели: на очистку тюремного двора, коридоров и камер, украшение камер, обеспечение их иконами, выплату жалованья общему старосте, водоносам, банщикам. Арестантов, приговоренных к наказанию плетью, ссылке в каторжные работы, артель обеспечивала деньгами на дорогу и для уплаты палачу для максимального облегчения наказания. Именно артель снаряжала в дорогу пересыльных арестантов, снабжая их деньгами и одеждой, именно артель смягчала наказание посаженным на хлеб и воду в карцер, снабжая их продуктами и табаком, по мнению Клевакина, в 3 раза лучше, чем обеспечивался рядовой арестант тюремным комитетом [2, л. 32 об.].

Артель брала на себя функции карательного характера в отношении провинившегося арестанта, причем ее наказание было гораздо более жестоким. Община наказывала своих членов за воровство, сокрытие чего-либо от сотоварищей, неподчинение их воле, а особо за доноительство по принципу «доносчика найдут везде». Так, за кражу из тюремной церкви заключенный Грязнов был наказан артелью весьма жестоко: его высекли розгами, положивши голову к церковным дверям, спустив при этом кожу с головы до

пят. Правда, сообщает Клевакин, потом сами и вылечили в камере своими средствами, не пустив в тюремную больницу [2, л. 38].

Таким образом, в Томском тюремном замке артель играла значительную роль в жизни заключенных под стражу. Помимо функций чисто хозяйственного и административного характера, тюремная артель выполняла также обязанности более негласного свойства, облегчая участь заключенных под стражей, выступая посредником между тюремной администрацией и арестантами и смягчая ее произвол.

Примечания

1. См.: Вишнякова Л.А. Клевакин Е.П. Об эффективности пенитенциарной системы управления начала XX века (на материалах Западной Сибири) // История становления органов внутренних дел России: взгляд из XXI века. Барнаул, 2001. С. 162–179; Она же. Записки Е.П. Клевакина как источник по истории пенитенциарной системы России начала XX в. (на материалах Западной Сибири) // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 51–54.

2. ЦХАФ АК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8.

В.Д. Юшковский

Томский государственный университет

НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОМИНАНТА В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ Г.С. БАТЕНЬКОВА

Есть эпохи скудные на даровитых, поистине великих людей, а есть необыкновенно щедрые. Таким, без сомнения, было время царствования Александра I, когда «жажда выразить себя, проявить во всей полноте личность создала и героев, и чудачков, характеры часто дикие, но всегда яркие» [1, с. 254]. В этой череде героев эпохи Пушкина и декабристов трудно сосредоточить взгляд на ком-то отдельно – именно благодаря их яркости и своеобразию. Тем удивительней фигура Г.С. Батенькова, который смог выделиться даже на этом блистательном фоне, заставил говорить о себе и спорить еще при жизни.

Декабрист, которому, по признанию Т.Г. Снытко, посвящено «больше работ, чем о Пестеле» – при том, что «биография Батенькова еще не написана» [2, с. 289], вызывал интерес «загадочными»

обстоятельствами жизни, это бесспорно. И одновременно обращал на себя внимание глубокими суждениями, благодаря которым прежде всего и был ценен современниками. Но его сложное, оригинальное мировоззрение пребывало за скобками разговора. В лучшем случае, говорили о нем мимоходом, признавая, что сделать это сложно из-за «туманных» высказываний. Время требовало людей дела, поступка, и Г.С. Батеньков, пусть не в полную меру, однако проявил себя с этой стороны так заметно и своеобразно, что пройти мимо этой фигуры, говоря об эпохе, было невозможно. Но взгляды его, определяющие поступки, философские установки, художественные вкусы и даже, как ни странно, политические убеждения оставались и остаются мало изученными.

Особый интерес в этой связи представляют нравственные и религиозные воззрения декабриста. Г.С. Батенькова принято считать идеалистом, склонным к мрачному мистицизму, до конца дней своих не преодолевшим «религиозную косность», что вроде бы уживалось в нем с политическим радикализмом. Такое определение мало того, что не раскрывает сути мировоззрения декабриста, но и уводит в сторону от понимания его сложной нравственно-религиозной концепции, рассматривать которую следует в динамике, в комплексе общих идей «знаменитого несчастливца». Говоря о Г.С. Батенькове, исследователи обычно увязывают его с характерным для того времени увлечением немецкой идеалистической философией и масонством, ставя точку там, где следовало бы, по-настоящему, начать рассуждения. И сама эта мировоззренческая связь воспринимается лишь как дань времени.

Первым «спроецировал» ранние философские взгляды Г.С. Батенькова на механизм его дальнейших поступков С.Н. Чернов, который указал, что «серьезное шеллингианство» составляет «необычную черту» биографии декабриста и что «масонство его было, в отличие от масонских увлечений и искательств многих, глубоким и искренним состоянием души» [3, с. 56]. Верное это замечание оказалось, впрочем, не связано с общими выводами статьи, и даже в какой-то мере вошло с ними в противоречие. В остальных же случаях дело ограничивалось признанием «множества противоречивых высказываний» Г.С. Батенькова, делающих «сложными для восприятия систему его философских взглядов» [2, с. 300].

Увлечение Кантом и Шеллингом испытали многие, если не все представители либерально настроенного дворянства начала

XIX столетия. Влияние идей Шеллинга на Г.С. Батенькова нетрудно усмотреть в его ранних письмах времен наполеоновских войн. Оно давало знать и в зрелые годы декабриста, когда, находясь в ссылке, он вспоминал, как вместе с друзьями «вздумал пересадить Шеллинга на русскую почву» [4, с. 224]. Г.С. Батенькову импонировал присущий классической немецкой философии культ природы, трепетное отношение к искусству, которое, как высшая духовная потенция, становится продолжением природы. Подкупал взгляд на мир как на живой организм, созданный волей Творца и подчиняющийся естественным законам, постичь которые помогала наука. В особенности же оказались близки философские размышления о добре и зле, сочетании божьего промысла и свободы воли, необходимости свободы и любви. Взгляд на человека, как связующее звено двух миров, естественного и божественного, мучительные попытки «примирить» дух с материей также были присущи Г.С. Батенькову. Что нашло отражение в его работах, казалось бы, далеких от умозрительных построений автора «философии свободы», – в проектах реформирования административного управления Сибири и статьях, посвященных хозяйственному укладу края.

Интересно отметить, что «русское шеллингианство... не повторяющее взгляды Шеллинга, а творчески их интерпретирующие» [5, с. 614], оказалось во многом тем прочным мостом, что привел молодых вольнолюбивых офицеров начала XIX в. к масонству. «Немецкие философы... развивали философское учение масонов в рациональном ключе, приходя к трактовке гуманизма в тесной связи с идеями мирного человеческого прогресса» [6, с. 140], а для людей, воспитанных на гуманистических сочинениях Н.М. Карамзина, это было важным посылом. Попытка найти применение своим романтическим порывам приводила в ряды Ордена вольных каменщиков с его культом труда, который пронизывает всю идеологию масонства, требованием внутренней духовной работы, совершенствования и «братских» филантропических действий.

Но Г.С. Батеньков и здесь остался верен себе. Для большинства декабристов масонские постулаты оказались тесны, долгое «переустройство» себя и окружающих стало представляться им малоподходящим способом радикального переустройства самодержавно-бюрократической системы. Г.С. Батеньков оставался чуть не единственным, кто, сохраняя верность молодым убеждениям, пытался поступать в соответствии с масонскими установками в

зрелые годы. И то, что сделать это, как правило, не удавалось, влекло глубокие переживания, которыми проникнута его переписка. В том же ключе, по сути, необходимо рассматривать поведение Г.С. Батенькова в период и после восстания 14 декабря (хотя тема эта настолько сложна, что требует отдельного разговора).

В то же время очевидно, что приписывать определяющую роль масонства для Г.С. Батенькова в отрыве от его религиозных воззрений было бы неверно. Признание могущества Творца, стремление жить в соответствии с его заповедями и явилось мировоззренческой основой, стержнем убеждений декабриста, чье детство протекало в патриархальной религиозной семье. На это обратил внимание его первый биограф И.И. Ореус, который писал, что «глубокая и разумная религиозность оставалась до конца жизни одною из отличительных черт Гавриила Степановича и служила ему важнейшею поддержкою при постигших его впоследствии невзгодах» [7, с. 303]. Религиозное чувство уберегло его от неизбежного «по мере созревания политического декабризма» разрыва с масонством. Оно же толкало к поискам идеала и во многом определило тяготение к тайному обществу. При этом «философские мысли и настроения, которые принимали форму настоящего политического радикализма», у него мирно «уживались с религиозным чувством и с идеалистическими основами общего мирозерцания» [8, с. 9].

Богатый материал для изучения религиозных воззрений Г.С. Батенькова дают его письма, «Повесть собственной жизни», статьи литературоведческого характера. «Отец мой был святой человек, в крайней простоте сердца искренне привязанный к церкви; добрее его сердцем я не встречал... Набожность со всех сторон меня обымала и младенчество почти удвоялось» [9, с. 95], вспоминал декабрист. «Доброта» и «набожность» для Г.С. Батенькова составляют, как видим, нераздельные понятия, но еще важнее отметить особое состояние, которое он понимал под «младенчеством» (свойственные детям простодушие, чистота помыслов, незапятнанность совести) и которое смог сохранить в себе, видимо, дольше других.

Столкновение веры, которую он ставил выше разума, и холодной рассудочности будет для него продолжаться всю жизнь. Примиряя их, умный, образованный Г.С. Батеньков сами основы веры объяснял, опираясь на науку и логику, что видно из писем. Пройдя через страдания, он лишь укрепился в мысли о превосходстве веры. В письме И.И. Пущину из ссылки говорит о бессилии

науки, которая «не разобрала даже, что такое время»: разуму, конечно, нужно верить, но «ум обещает открыть более, нежели Америку», лишь обратившись «к жизни и богу... и на природу будет смотреть не как на взъерошенную действием мертвых сил поверхность шара, но как на полное отражение вечного бытия живой разумной причины...» [4, с. 237–238]. И в следующем письме, адресованном Е.П. Оболенскому, он продолжает эти рассуждения, говоря, что «науке нашего времени именно недостает благочестия» [4, с. 238].

Мечтательному, добросердечному Г.С. Батенькову, который «оставался идеалистом даже на чиновничьей службе» [10, с. 84], приходилось нелегко. Его прекраснодушные мечты разбивались о грубую действительность, высокие порывы не находили поддержки. Думая о природе человека и роли государства, он приходит к необходимости бороться со злом, противопоставляя низости чистоту, повсеместному обману – истину, аморальности – совесть. Эта решимость заметна в проекте «Устава о ссылке», над которым работал сподвижник М.М. Сперанского, и в проекте «Устава об управлении инородцев», в статьях и письмах. Претерпев в Сибири гонения, испытав подлость, доносы, Г.С. Батеньков не ожесточился и не воздал гонителям. В письме другу он не без гордости замечает, что «имел твердость уничтожить всякое поползновение к отмщению прежним злодеям и даже ласкою и почтением примирил с собою. Вот торжество, – заключает, – которое приятно моему сердцу» [11, с. 106].

Но, совершая христианские поступки, Г.С. Батеньков рассуждает о них, опираясь не на церковные авторитеты. Зная Библию, он избегает отвлеченных богословских «умствований»; христианская мораль для него заключена в Завете, по законам которого живут люди, он далек от мысли икать ее в церковных стенах. Будучи молодым офицером, напоминает другу сентенции Вольтера, который «давно уже открыл целому свету, что беззакония, происки, коварство, властолюбие и все ужасные грехи были свойством особ духовных; архиереи всегда грешили более простых попов, а попы более... овец духовных» [11, с. 105]. Но почему, терзался Г.С. Батеньков, напускное благочестие стало привычным, и где ж тогда искать искренности, прямоты, совестливости? Он строго спрашивал с других и с самого себя, искал «живые сердца» – и не находил.

По существу, одиночество его длилось не двадцать лет заточения, гораздо дольше: всю жизнь умный, общительный, добросердечный Г.С. Батеньков прожил в одиночестве, вдали от друзей и себе подобных, близких по духу, людей...

Примечания

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре (быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX вв.). СПб., 1994.
2. Снытко Т.Г. Батеньков – литератор // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956.
3. Чернов С.Н. Вступительные замечания к «Автобиографическим напоминаниям» Г.С. Батенькова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2.
4. Батеньков Г.С. Сочинения и письма: В 2-х т. Т. 1.
5. Русская философия. М., 1999.
6. Соловьев О.Ф. Масонство М., 2001.
7. Ореус И.И. Гавриил Степанович Батеньков: Историко-биографический очерк // Русская старина. 1889. Кн. 63.
8. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века (философско-исторические концепции 40–60-х годов). Новосибирск, 1991.
9. Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2.
10. Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965.
11. Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля (из архива Елагиных). М., 1936.

М.В. Полькин

Алтайский государственный университет

М.А. БАКУНИН ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕРУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (по материалам сибирской публицистики 1857–1861 гг.)

В отечественной историографии по-прежнему остаются проблемы в изучении творческого наследия одного из выдающихся русских мыслителей и политических деятелей XIX в. М.А. Бакунина. Не стала исключением и его демократическая публицистика периода сибирской ссылки (1857–1861 гг.). К ней относятся публицистические письма М.А. Бакунина из Сибири к деятелям русского общественного движения М.Н. Каткову, П.В. Анненкову, А.И. Гер-

цену [1] и ряд фрагментов неизвестной публицистики, опубликованной в региональной (сибирской), общероссийской прессе, а также в газете «Колокол» [2]. Авторская принадлежность их М.А. Бакунину устанавливалась в работах отечественных исследователей А.В. Дулова и В.А. Должикова [3]. Время пребывания М.А. Бакунина в Сибири на рубеже 50–60-х гг. XIX в. совпало со структурным кризисом Российской империи, реформаторской деятельностью правительства Александра II и активизацией общественного движения. Поэтому рассмотрение проблемы об альтернативах развития общерусского освободительного движения по материалам сибирской публицистики М.А. Бакунина представляется актуальным.

При комплексном анализе публицистических работ М.А. Бакунина можно выделить интегральную идею, способную объединить все передовые силы, представляющие общерусское освободительное движение. Это – необходимость проведения радикальной политической реформы, способной коренным образом изменить самодержавно-крепостнические устои Российской империи [4, с. 493]. По верной оценке Бакунина, эта реформа давно назрела, так как «...существующее имперское государство само себя разрушает и не в состоянии провести какие-либо серьезные преобразования» [5, с. 896]. По всей видимости, М.А. Бакунин имел в виду перспективную трансформацию Российской империи в демократическое федеративное государство на принципах свободы, равноправия областей и народов [6, с. 534].

М.А. Бакунин выделяет в развитии общерусского освободительного процесса две альтернативы. Первая связана с мирным, реформистским путем, суть которого состоит в усилении давления на правительство со стороны передовой дворянской и разночинной интеллигенции с целью убедить правительство провести реформы в либерально-демократическом духе. В этой связи М.А. Бакунин разделяет программу тверского дворянства, по которой крестьяне должны получить свободу и стать собственниками земли, все сословия наделяются правами и свободами, принимается Конституция, выступающая гарантом будущего государственного и общественного строя. М.А. Бакунин не согласился только с одним пунктом их программы о сохранении привилегии дворянству о праве занятия выборных должностей в органах местного самоуправления, так как это может постепенно привести к чиновничьему произволу [7]. М.А. Бакунин приветствовал продуктивную идею о вве-

дении института народного образования в виде системы воскресных школ [8, с. 228]. Это и понятно, что людьми образованными значительно сложнее манипулировать и навязывать им определенную идеологию со стороны государственной власти.

Применительно к людям, которые могут быть способны на проведение радикальных реформ в либерально-демократическом духе, М.А. Бакунин выделяет генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского, который прекрасно себя зарекомендовал в собственном регионе. Недаром в одном из бакунинских писем к А.И. Герцену Н.Н. Муравьев-Амурский именуется «нашим» [9]. В одном из писем М.А. Бакунина к редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову прослеживается линия по убеждению последнего стать реальным политиком и возглавить все передовые либеральные силы России [10]. Вполне вероятно, что М.А. Бакунин видел в М.Н. Каткове потенциального лидера будущей русской либеральной партии.

Но существовала и другая, революционная альтернатива, по мнению Бакунина, крайне нежелательная. Суть ее состояла в народной революции во главе с передовой дворянской и разночинной интеллигенцией, но только в том случае, если правительство не откажется от проводимого псевдореформаторского курса [11, с. 896]. По мнению М.А. Бакунина, следует отдать предпочтение нелегальным формам борьбы с царским правительством. Великий бунтарь считал, что необходимо создать союз, в который должны войти все оппозиционные к имперскому режиму силы, последний будет существовать в виде тайных центров, обществ и братств.

М.А. Бакунин высказывает предположение и о сроке предполагаемой народной революции в промежуток времени между мартом 1861–1863 гг. По всей видимости, начальной точкой отсчета служит реформа об отмене крепостного права, а конечной – обещание правительства через два года сделать крестьян фактическими собственниками земли. Великий бунтарь четко выделяет и направления деятельности союза. «Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайные типографии, распространять печатное слово в народе и войске; обучать крестьян и солдат, заводить братства в полках, сближать солдат с народом» [11]. Именно эти задачи М.А. Бакунин оценивал как важнейший круг действий союза. Далее он определяет и основную цель союза – «полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» [11].

Таким образом, в сибирской публицистике М.А. Бакунина отражена одна из важнейших проблем русской политической истории середины XIX в. Отечественный публицист в радикально-демократическом духе формулирует интегральную идею, способную объединить все передовые силы России, и довольно четко выделяет две альтернативы развития общерусского освободительного движения.

Примечания

1. Бакунин М.А. Письмо М.Н. Каткову от 21 января 1859 г. из Томска // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 289–297; Он же. Письмо П.В. Анненкову от 25 февраля 1860 г. из Иркутска // Там же. С. 301–302; Он же. Письмо А.И. Герцену от 7–15 ноября 1860 г. из Иркутска // Там же. С. 303–346.

2. Бакунин М.А. (Елизаров Ю.). Несколько слов об общественной жизни Иркутска. (По поводу разговора о литературных вечерах) // Амур. 1861. №29. 11 апр. С. 228–229; Он же. Статья «П» // Амур. 1861. №33. 25 апр. С. 260–262; Он же. Славянский съезд в Праге в 1848 г. // Отечественные записки. 1860. №10. С. 483–532; Он же. Письмо из провинции // Колокол. Вып. III. 1860. №64. 1 марта. С. 533–535; Он же. Ответ «Великоруссу» // Колокол. Вып. III. 1861. №107. 15 сент. С. 895–897.

3. Дулов А.В. Неизвестные статьи М.А. Бакунина в газете «Амур» // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 161–176; Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860 гг.). Барнаул, 2000. С. 19–20, 274–279.

4. Бакунин М.А. Славянский съезд в Праге в 1848 г. // Отечественные записки. 1860. №10. С. 483–532.

5. Бакунин М.А. Колокол. 1861. Вып. III. №107. 15 сент. С. 895–897.

6. Бакунин М.А. Письмо из провинции // Колокол. 1860. Вып. III. №64. 1 марта. С. 533–535.

7. Бакунин М.А. Письмо М.Н. Каткову от 21 июня 1860 г. из Иркутска // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. IV. С. 302–303.

8. Бакунин М.А. (Елизаров Ю.) Несколько слов об общественной жизни Иркутска. (По поводу разговора о литературных вечерах) // Амур. 1861. №29. 11 апр. С. 228–229.

9. Бакунин М.А. Письмо А.И. Герцену от 8 декабря 1860 г. из Иркутска // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. IV. С. 359.

10. Бакунин М.А. Письмо М.Н. Каткову от 21 января 1859 г. из Томска // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. IV. С. 290–292.

11. Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. IV: Ответ «Великоруссу» // Колокол. 1861. Вып. III. №107. 15 сент. С. 895–897.

Е.А. Артюх

Алтайский государственный университет

В.В. РАДЛОВ ОБ ОПЫТЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Василий Васильевич Радлов (Фридрих Вильгельм Радлов, Fridrich Wilhelm Radloff) – известный отечественный востоковед-тюрколог. Родился 5 (17) января 1837 г. в Германии. В 1854 г. поступил в Берлинский университет. После кратковременного увлечения философией (гербартианством) Радлов окончательно остановился на языкознании. Интересы будущего ученого формировались под влиянием известных европейских языковедов Ф. Боппа, Г. Штейенталя, А. Потта, В. Шотта и других, а также историка и географа К. Риттера. Весной 1858 г. В.В. Радлов защитил диссертацию «О влиянии религии на народы Азии» и получил звание доктора философии. Вскоре он принял решение об отъезде в Россию, в тюркоязычных регионах которой можно было изучать восточные народы, их языки, материальную и духовную культуру. Летом 1858 г. молодой доктор философии прибыл в Санкт-Петербург. Через год ему была предоставлена возможность занять должность учителя немецкого языка в Барнаульском окружном училище.

Прибыв в Барнаул, В.В. Радлов, помимо преподавательской деятельности, занялся исследованием народов Алтайского округа и других регионов Западной Сибири. Эта научная деятельность протекала в благоприятных условиях при содействии Василию Васильевичу влиятельного покровителя – барона П.К. Мейендорфа, управляющего Кабинетом Его Величества, а также местного руководства, начиная с начальника Алтайских заводов А.Е. Фрезе [1]. При этом Кабинет выделял Радлову ежегодные денежные пособия до 700 руб. серебром, которые должны были вноситься в алтайские заводские сметы в течение 5 лет (потом этот срок был продлен еще на 5 лет) [2].

Одним из результатов многочисленных научных экспедиций Василия Васильевича, совершенных в годы пребывания на Алтае (1858–1871), стало описание хозяйства, быта и мировоззрения тюркских народов Западной Сибири. Так, ученым были исследованы алтайцы, телеуты, шорцы, лебединцы, кумандинцы и другие народы Западной Сибири. При изучении этих народов В.В. Радлов уделял особое внимание проблеме столкновения двух разных ци-

визаций: «туземцев Сибири» и «экспансивного русского населения». Причем он пытался рассматривать процесс взаимодействия народов с разных сторон, отмечая как положительные, так и отрицательные его моменты.

Особенно принципиальной для ученого была проблема сравнения разных форм хозяйственной жизни с точки зрения их прогрессивности. Так, в работах разных лет («Aus Sibirien», 1884; «К вопросу об уйгурах», 1893) В.В. Радлов излагал теоретические основы своих представлений о формах развития человеческих обществ. Это была эволюционная триада: от охотничьего быта к кочевому пастушескому, от пастушеского к оседлому земледельческому. В свое время эти представления были широко распространены в трудах историков и этнографов [3]. По этой схеме высшим этапом эволюционного развития человечества являлось общество оседлых земледельцев. Но это – теоретические рассуждения ученого, на практике же, как отмечает В.В. Бартольд, представления Радлова об оседлом земледелии как о наиболее прогрессивной форме хозяйства были довольно противоречивы [4]. Но, на наш взгляд, именно хозяйство коренных народов Западной Сибири Василий Васильевич описывал в соответствии со своей теоретической схемой. Так, оседлое земледелие русских, по его мнению, наиболее эффективно в климатических условиях именно Западной Сибири, чем кочевое скотоводство коренного населения. В этом смысле процесс перехода туземцев к оседлости, даже вынужденного перехода, под давлением русских, Радлов считал прогрессивным. Так, в пример он приводил племена телеутов, у которых наступил «социальный прогресс» в результате вытеснения их русскими: «...аулы объединились в более крупные деревни, люди построили себе постоянные жилища, начали заниматься в основном земледелием и постепенно учились у соседей...» Кроме того, при всем при этом телеутам удалось сохранить свою самобытность [5].

Описывая хозяйство алтайцев, ученый также отмечал особые географические условия Алтая, мало пригодные для кочевников: «...большинство алтайцев ведет кочевой образ жизни, хотя характер гор и неширокие долины рек не дают им большим возможностей для кочевания» [5, с. 136], более того, «...великолепные долины Алтая слишком хороши для кочевников, которые не могут извлечь и использовать богатства этого края» [5, с. 152].

Из всех тюркских племен Алтая, писал Радлов, только шорцы изначально жили оседло, даже там, где русское влияние не про-

являлось. Шорцы, живущие рядом с русскими, находились на высоком уровне развития, занимались земледелием. Другие же их племена были вынуждены бежать в горы и леса и, поселившись там в разрозненных деревнях, далеко от соседей, утратили свою старую культуру. Изначальный же высокий ее уровень доказывал следующий факт: «...как только шорцы попадали в соприкосновение с русскими, они сразу же с необычайной легкостью поднимались на более высокую ступень культур, в то время как алтайцы... десятилетиями могли жить вместе с русскими, что нисколько не отражалось на уровне их культуры» [5, с. 209].

Однако ученый доказывал, что оседлое земледелие прогрессивно лишь там, где для этого есть благоприятные условия. Так, обработка земли у черневых татар требует слишком большой затраты труда, поэтому им трудно извлечь большую выгоду из земледелия [5, с. 216]. Таким образом, в процессе хозяйственного освоения земель Западной Сибири Василий Васильевич Радлов видел будущее в оседлом образе жизни коренных народов. Распространение русскими такого образа жизни и земледелия как основной (но не единственной) хозяйственной формы в климатических условиях именно Западной Сибири рассматривалось им как позитивный процесс.

Большие надежды Радлов возлагал на христианских миссионеров, которые должны были повлиять на переход народов Сибири к оседлости и в целом на повышение их уровня культуры. Такое влияние христианства он наблюдал в миссионерском центре в Улале, в миссии на Муйту, в Ангодае (все миссии расположены на Алтае) [5, с. 180–185]. При этом ученый отдавал должное заслугам их основателей – архимандриту Макарию, который «не только внешним образом крестил туземцев, но и обратил значительную часть их в истинных христиан» [5, с. 181], монаху Смарагде, создавшему культурное поселение недалеко от устья реки Ангодай. Однако усвоение туземцами христианской культуры, как отмечал ученый, шло довольно медленно и трудно. Туземцы рассматривали любую миссию как учреждение, наносящее вред их социальному положению, а крещеных сородичей – как предателей, которые меняют свое имя и отказываются от кочевой жизни. Кроме того, русские люди в пограничных деревнях не воспринимали крещеных туземцев как равных себе [5, с. 182, 184].

Кроме всего прочего, Василия Васильевича в процессе взаимодействия двух разных культур русских и туземцев волновали

такие проблемы, как поверхностное усвоение цивилизации коренными народами Западной Сибири (пристрастие к алкоголю, к воровству и обманам) и возможность утраты ими национальной самобытности, своего языка, культуры [5, с. 182]. Тем более, что самое эффективное воздействие на туземцев могли оказать их крещенные сородичи, сохранившие свою национальную культуру, а не чужие миссионеры [5, с. 183].

Таким образом, проблема освоения западносибирских земель рассматривалась ученым как борьба двух разных цивилизаций за существование, причем русские обладали большей силой и потенциалом [5, с. 191, 216, 219]. Поэтому главной задачей народов Западной Сибири было выживание в этих условиях и сохранение своей культуры, с одной стороны, а также стремление к более высокому уровню развития. Главным фактором в этом процессе выступали переход народов к оседлости и распространению в землях Западной Сибири христианства.

Примечания

1. Штернберг Л.Я. Из жизни и деятельности В.В. Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды) // Живая старина. 1909. 18. Вып. 2–3. С. I–XXV.
2. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 2 об.-3, 35–35об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 208–209.
3. Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837–1918 // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 676–678; Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 659.
4. Бартольд В.В. Указ соч. С. 676–678.
5. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 191.

Е.М. Козлова

Алтайский государственный университет

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ С.П. ШВЕЦОВ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ НА АЛТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Проблемы миграции крестьянского населения из европейских губерний в Сибирь во второй половине XIX в. привлекали к себе пристальное внимание не только со стороны официальных органов и демократической печати, но и просто интересующихся

миграционными процессами внутри России. «За последние 7–8 лет (с 1885 по 1893 г., подсчитано мной. – *Е.К.*) было много написано о переселении, – констатировал К. Качоровский. – Сотни газетных статей и корреспонденции, десятки журнальных статей, десятка два отдельных брошюр и книг, и наконец, порядочное количество заметок, статей и цифр, рассеянных в официальных изданиях (в памятных книгах разных губерний, губернских отчетах, отчетах переселенческих чиновников), – все эти довольно многочисленные, разнообразные и разн ценные данные удовлетворительно в общем осветили многие стороны переселенческого движения» [1]. Первые работы аналитического и обобщающего характера по колонизации Сибири в целом были опубликованы именно видными представителями народнической регионалистики: А.А. Кауфманом С.Л. Чудновским, С.П. Швецовым, К. Качоровским и др. Много позже в советской исторической науке целый ряд работ аналогичного свойства был посвящен различным аспектам крестьянской колонизации Сибири и ее отдельных районов. Например, следует выделить монографии В.В. Покшишевского, Л.Ф. Склярова, В.А. Степынина, статьи и диссертации В.Г. Тюкавкина, Е.И. Соловьевой, А.А. Храмова. Большинство вышеназванных исследователей освещали процесс переселенческого движения в Сибирь периода так называемой столыпинской аграрной реформы (1906–1911 гг.). Лишь в монографии В.В. Покшишевского дается обобщающий очерк истории миграционных процессов в Сибирь на протяжении всего пореформенного периода, до начала XX в. Однако эта работа представляет собой исследование экономико-географического характера, собственно крестьянские переселения второй половины XIX в. рассматриваются автором как один из частных этапов на фоне колонизации восточных регионов страны. Алтай, тем более, занимает очень скромное место в концепции В.В. Покшишевского.

Поэтому цель данной статьи состоит в акцентировании приоритета народнической историографии, многие представители которой специально изучали вопросы переселения крестьян из Европейской России на территорию Алтайского горного округа во второй половине XIX в. Наиболее видными представителями были: А.А. Кауфман, П.А. Голубев, Л.С. Чудновский. Но в данной статье мы остановимся на характеристике наиболее яркого представителя народнического направления – С.П. Швецова, детально рассмотревшего многие стороны переселенческого быта, собравшего и

проработавшего огромный статистический материал, до сих пор служащий источником для современных исследователей переселенческого движения в Сибирь.

Условия размещения переселенцев в Алтайский округ определялись законом «О водворении в Алтайском горном округе государственных крестьян» от 30 июня 1865 г., утвержденным Комитетом министров [2]. По этому закону все переселения подлежали государственному контролю и определенной регламентации. Осмотр земель, их отвод, как и «самое водворение крестьян во вновь образуемые ими прежние общества, должны последовать не иначе, как с разрешения и по распоряжению Алтайского горного правления, согласно с заключением Кабинета Его Императорского Величества, утвержденным генерал-губернатором Западной Сибири» [2].

«В 60-е гг. переселение крестьян едва только зарождалось, – пишет К. Качоровский, – даже в голодный 1967 г. дойдя до максимума лишь в 20 тыс. душ, в 70-е гг. оно стало уже заметно расти, но почти всецело еще направлялось в более близкие колонизационные окраины – в южные и восточные степи Европейской России. Но уже в 80-е гг. и наплыв переселенцев стал едва ли не самым крупным явлением в общественной жизни Азиатской России» [1]. Как отмечают многие авторы, больше половины переселенческого потока разместились на землях Кабинета Е.И.В., в Алтайском округе.

В региональной историографии переселенческого вопроса статьи С.П. Швецова (иногда публиковавшегося под псевдонимом «Марусин») занимают видное место. Разумеется, они не охватывали всех аспектов данного вопроса в целом. Но те стороны, которые были разработаны Швецовым, представлены с полным знанием дела. Особого внимания заслуживает статья «Переселенцы в Алтайском округе», которая посвящена выяснению конкретных условий передвижения и оседания переселенцев на Алтае. В основе своей она написана по материалам отчетов бывшего Томского переселенческого чиновника Чарушина, и с учетом личных наблюдений. Автор самостоятельно провел в 1887 г. опрос 428 семей переселенцев. Как и другие исследователи не только народнического направления, он приходит к выводу, что среднестатистическая переселенческая семья является на место «без копейки» и должна начинать свою трудовую биографию на новом месте с батрачества. Многие из них уже и в пути терпят нужду, голод и лишения. Коснувшись вопроса переселенческого пути, исследователь сделал интересный вывод: «Все эти

лишения, пишет он, голод, болезни, смерть близких и проч., наряду с чуждой непривычной обстановкой... окончательно подавляют его. И он не в силах разобраться в массе сложных и разнообразных впечатлений... такое состояние не может, – по справедливой оценке данного автора, – не отразиться на самом успехе переселения» [3]. Действительно, данное мнение является объективным, ведь, помимо всех бед, переносимых переселенцем в дороге, его на новом месте ожидает еще масса трудностей (как моральных, так и физических), и С.П. Швецов это первым отмечает из исследователей переселенческого движения, обращая внимание на уже подавленное настроение переселенца изначально с приходом на новое место.

Переходя далее к вопросу о степени обдуманности движения, исследователь приводит следующие статистические данные: «только 5,5% шли в Сибирь по слухам, остальные же шли на ранее отхлопотанные земли (34,2%), по разведкам ходоков (19,4%) или письмам родственников (35,5%)» [3]. «Очевидно, что переселенческое движение, – констатирует автор, – последних лет отличается определенностью» [3]. Однако самым узким и больным местом в организации переселенческого дела в дореволюционной народнической историографии являлось отношение переселенцев к старожилам. Здесь С.П. Швецов стоит на строго фактической почве. Не отрицая стремления сибиряков «поприжать» переселенца, он указывает факты такой же, даже большей, эксплуатации непричисленных переселенцев причисленными. Таким образом, по мнению С.П. Швецова, вопрос здесь сводится на правовую почву – эксплуатация полноправными бесправных односельчан. Влияние ментальной розни на взаимоотношения между старожилами и переселенцами ими не признаются. Культурные различия российского переселенца и сибиряка, по его мнению, ведут не к враждебности, а лишь к некоторой отчужденности временного характера, проявляющейся внешним образом во взаимных, чаще всего беззлобных насмешках и т.п. Такие житейские отношения не идут дальше тех, которые существовали между представителями различных областей Европейской России. Но сам же автор приводит примеры, когда эти взаимоотношения принимали довольно острый характер именно на почве разности менталитетов. В заключительном разделе своей статьи С.П. Швецов делает вывод, который полностью совпадает со мнением большинства исследователей переселенческого движения на Алтае – о необходимости помощи со стороны государства, в ча-

стности доступного банковского (государственного) кредита для переселенцев. «Одних свободных земель Алтая, на каких бы льготных условиях они не предоставлялись, – замечает исследователь, – еще недостаточно для переселенца-нищего: ему нужны еще денежные средства, которые бы избавили его от всех мук, претерпеваемых в пути, и дали бы возможность овладеть этими землями» [3].

Несмотря на огромное количество опубликованных данных, специального статистического исследования о переселении на Алтай до 1894 г. не было. Такое исследование провела лишь в 1894 г. группа исследователей под руководством С.П. Швецова, охватившее 133 поселка, рассредоточенных по территории Барнаульского, Бийского и Кузнецкого округов [4]. Была создана специальная программа для исследования мест расселения переселенцев, по ней заранее планировалось получить общую характеристику каждого селения, включающую в себя историю его возникновения и развития: порядок обеспечения пахотными землями и земельными угодьями, национальный и социальный состав населения, формы пользования землей, условия, размеры и значение земледелия, скотоводства, различных неземледельческих промыслов и торговли, условия передела, размеры платежей и повинностей, постановка школьного и медицинского дела, общественного призрения, взаимоотношения между различными группами населения и пр. Независимо собирались данные о состоянии каждого наличного хозяйства: его численности, половом и семейном составе, юридическом положении, занятиях, материальном положении и пр. Предполагалось, что совокупность полученных данных могла бы зафиксировать всестороннюю и полную картину реального положения переселенцев в Алтайском горном округе.

Весь материал планировалось опубликовать в трех выпусках «Алтайского сборника» в 1899 г. Но вышло лишь два: первый выпуск содержит собранный материал, который сведен в 300 таблицах. Второй выпуск представляет собой описание отдельных поселков, расположенных в той же самой последовательности и аналогичном порядке, что и в первом. В третьем выпуске планировалась детальная разработка материалов, заключенных в первых двух, а также предполагалось включить сведения по истории переселенческого движения в Алтайском округе начиная с 1865 г. Но планам С.П. Швецова не суждено было сбыться из-за материальных проблем, как отмечал сам редактор. Собранный материал

страдает некоторыми достаточно серьезными недостатками: в частности, оказались неохваченными пять волостей Томского округа, входящего своей южной частью в пределы Алтайского округа, а также Бухтарминский край и инородческие волости Горного Алтая.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что исследователи-народники, и как яркий представитель данного направления С.П. Швецов, изучая основные проблемы переселенческого дела в Алтайском горном округе, не только критически пересмотрели официальные статистические источники, но создали свою статистическую базу, которая является до сих пор основным наиболее объективным материалом переселенческого дела на Алтае.

Примечания

1. Качоровский К. Переселение в Азиатскую Россию // Записки ЗСО РГО. Омск, 1893. Вып. 1. Кн. 16.
2. ПСЗ. Собрание 2. Т. XLI. Ст. 1–226.
3. Швецов С.П. Переселенческое движение на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Т. I.
4. Швецов С.П. Переселенцы на Алтае: Результаты статистического исследования мест водворения переселенцев в Алтайском округе в 1894 // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 1–2.

Т.В. Тишкина

Алтайский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЯ Н.С. ГУЛЯЕВЫМ ВОПРОСОВ КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

В 1891 г. в Барнауле было образовано Общество любителей исследования Алтая (ОЛИА). Согласно Уставу, одной из целей организации являлся сбор материалов для всестороннего изучения Алтая и сопредельных территорий. Летом 1893 г. Совет ОЛИА принял решение об исследовании быта переселенцев на местах их водворения в Алтайском округе. Председатель Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам И.И. Игнатов передал для осуществления работ 1 тыс. руб. При посредничестве действительного члена указанной организации В.Т. Зимина в 1895–1896 гг. в ОЛИА поступило 2085 руб. [1, с. 4]. Сбором пожертвований от частных лиц он занимался и в последующие годы. Финансовую

поддержку проекта неоднократно оказывали томский губернатор и начальник Алтайского округа.

Для всестороннего обследования быта переселенцев статистиками-членами ОЛИА использовалась программа, включавшая множество пунктов: характеристику каждого селения; состав жителей и обеспечение земельными угодьями; размеры платежей и повинностей; наличие неземледельческих промыслов и торговли, состояние школ и медицинского дела и т.д. Также фиксировались сведения о каждом хозяйстве в обследуемом населенном пункте. Планировалось, что собранная информация позволит воссоздать реальное положение переселенцев, избравших для жительства Алтайский округ.

Занятия сотрудников ОЛИА по исследованию мест проживания переселенцев продолжались в течение нескольких лет. Их результаты использовались при подготовке публикаций [2], различных докладов, представленных на собраниях Общества любителей исследования Алтая (Бобятинский А.А. Исследование условий водоснабжения переселенческих заселков в Кулундинской степи (21 декабря 1893 г.); Швецов С.П. О «шатунах» (16 ноября 1894 г.) и др.).

Наряду с изучением переселенческого движения в конце XIX в. сотрудников ОЛИА интересовали сведения по истории первоначального заселения территории Алтая и всей Сибири. Так, 20 февраля 1898 г. активный член организации Николай Степанович Гуляев выступил с сообщением «К истории колонизации в Сибири в начале XVIII века». В нем он осветил вопросы «...о переселении инородцев на Алтай и вообще о переселении народов по Сибири...» [3, с. 20].

К концу 1890-х гг. члены Совета ОЛИА заявили о необходимости изучения архивных источников по переселенческому вопросу. Данное решение аргументировалось тем, что миграционные потоки слабо регулировались российскими законами, но зависели от правительственных циркуляров, отражавшихся на распоряжениях администрации Алтайского округа. Планируя занятия с архивными документами на 1900 г., Совет Общества любителей исследования Алтая отмечал, что «изучение административной постановки переселений на Алтай тем более было бы ценным вкладом в литературу вопроса, что местные особенности землепользования весьма осложняют правовой порядок переселений и ставят Алтайский округ в исключительное положение среди остальных местностей Сибири» [3, с. 16].

Следует отметить, что к занятиям в архиве Главного управления Алтайского округа допускались лица лишь с разрешения Начальника округа. Впоследствии ему к просмотру предоставлялись собранные материалы для получения разрешения на их использование в публикациях [4]. За работу по сбору архивных сведений о переселенческом движении взялся Н.С. Гуляев, служивший архивариусом Главного управления Алтайского округа. На публичном заседании Совета ОЛИА 25 апреля 1900 г. он выступил с кратким сообщением «...об условиях первоначального заселения Сибири» и зачитал «...один из древнейших документов, касающийся начала колонизации...» [5, с. 27]. В течение 1900 г. Николаем Степановичем были найдены некоторые архивные материалы, относящиеся к истории заселения территории Алтая. Этим кропотливым трудом архивариус занимался безвозмездно. Общество любителей исследования Алтая не располагало финансами для оплаты подобной работы. В апреле 1900 г. Совет выделил Н.С. Гуляеву из специальных средств организации 25 руб., предназначавшихся исключительно за труд по переписке текстов документов.

Работу по сбору архивных источников, касающихся колонизации Алтая, Н.С. Гуляев продолжил и в 1901 г. Совет ОЛИА отмечал, что «...собранный... им материал, хотя не в обработанном и далеко не законченном виде, представляет значительный интерес, как совершенно неизвестный в литературе этого вопроса» [6, с. 6].

На общем собрании членов ОЛИА 14 апреля 1901 г. Н.С. Гуляев выступил с докладом «Исторические данные по исследованию Телецкого озера». В нем архивариус уделил внимание и первоначальному появлению русских переселенцев на территории Алтая, в окрестностях Телецкого озера. Полный текст доклада был утвержден Советом Общества любителей исследования Алтая к напечатанию в «Алтайском сборнике». Автор настаивал на факсимильном воспроизведении карт озера 1745 и 1761 гг., так как считал, что без них доклад утратил бы свое значение. Но организация не располагала необходимыми средствами и публикация не осуществилась [7].

На заседании Совета ОЛИА 3 февраля 1902 г. рассматривалось письмо И.И. Тыжнова, в котором приводилось мнение, что «...история Сибири есть результат движения великорусского племени», и подчеркивалась важность изучения этого вопроса. И.И. Тыжнов предложил программу исследования колонизации Сибири. По замыслу автора данный проект должен был «...оказать содействие будущим исследователям... и дать... материал, кото-

рый послужит к выяснению одной из величайших проблем социологии» [8]. Однако среди членов ОЛИА не оказалось желающих работать по полученной программе. Поэтому Совет организации обратился к Н.С. Гуляеву с просьбой «...собрать и сообщить сведения о времени основания селений и о движении населения в Алтайском округе с начала XVIII столетия» [8]. Совет обязывался оплатить труды по переписке документов. Архивариус согласился выполнить это поручение.

В марте 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было присоединено к Западно-Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества в качестве его Алтайского подотдела. На чрезвычайном собрании членов преобразованной организации 26 октября 1902 г. Н.С. Гуляев выступил с докладом, совместив в нем «Краткий исторический очерк завоевания Сибири» и «беглый обзор деятельности Западно-Сибирского отдела Географического общества со времени его открытия». Архивариус отметил, что длительное время малонаселенная территория Сибири была «забытым и захолустным краем». Лишь во второй половине XIX в. сюда устремился поток образованных и культурных людей, вызванный развитием промышленности и торговли, увеличением управленческого аппарата. В этот период начинается деятельность местных научных и общественных учреждений, организуются различные исследовательские экспедиции. Николай Степанович подчеркнул значение роли Западно-Сибирского отдела Географического общества в культурной жизни региона и пожелал энергичной деятельности на пользу Сибири [9].

Определенным итогом в работе Н.С. Гуляева над темой освоения региона русскими переселенцами стал доклад «К истории колонизации Алтая в начале XVIII в.», предложенный вниманию членов Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО 23 февраля 1903 г. [10, с. 16]. Докладчик отметил привлекательность природных богатств Алтая для первых русских переселенцев, осветил историю строительства заводов и рудников А. Демидова, переход их в царское владение. Николай Степанович указал на постоянный источник пополнения алтайских предприятий рабочей силой – прикрепления к ним местного населения. Используя сведения из архивных документов, Н.С. Гуляев охарактеризовал тяжелые заводские работы, повинности приписных крестьян, произвол начальствующих лиц. Докладчик пришел к выводу, что зависимое положение местного населения приостановило в

XVIII в. заселение территории выходцами из европейской части России. «В течение целого века Алтай почти пустовал», – резюмировал докладчик [11].

В последующие годы Н.С. Гуляев продолжил сбор материалов, касающихся колонизации Сибири. Этому способствовали плодотворные занятия Николая Степановича в различных архивах Москвы и Санкт-Петербурга в январе–феврале 1910 г. Обнаруженные Н.С. Гуляевым архивные документы и подготовленные при их использовании доклады стали существенным вкладом в изучение переселенческого движения на территории Сибири.

Примечания

1. Краткий очерк десятилетней деятельности Общества любителей исследования Алтая // Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1901 год. Барнаул, 1903.

2. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. IV. Вып. I–II; Трегубов Н.М. Сибирское переселенческое селение село Чистюнька Барнаульского уезда Барнаульской волости (Материалы по изучению переселенческого вопроса по подворным переписям 1897, 1901 и 1905 гг.) // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. Т. VII.

3. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1898 и 1899 гг. Барнаул, 1900.

4. ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

5. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1900 год. Барнаул, 1901.

6. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1901 год. Барнаул, 1903.

7. ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 38. Л. 100.

8. Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1902 год. Барнаул, 1904.

9. ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 29.

10. Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1903 г. Барнаул, 1904.

11. ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

В.Н. Шайдуров

Алтайский государственный университет

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ НЕМЦАМИ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Международные миграционные процессы второй половины XVIII - начала XIX вв. привели к появлению в России новой субнациональной группы – российских немцев (под термином «российские немцы» в данном случае подразумеваются потомки немецких переселенцев, прибывших в Российскую империю в рамках проводимой колонизационной политики). В конце XIX – начале XX вв. в результате внутрироссийских миграций возникла группа сибирских немцев, составлявшая к 1917 г. около 12–15% немецкого населения Российской империи.

Число публикаций, касающихся истории сибирских немцев, вышедших в досоветский период, невелико. Главным образом, это объясняется ограниченным временем существования этой группы к 1917 г. (около 30 лет). Тем не менее немцы Сибири привлекали к себе внимание в связи с различными общественно-политическими событиями (переселение, Первая мировая война и т.д.). Это нашло свое выражение в увидевших свет публикациях.

Переселенческая политика властей вызывала неоднозначную реакцию общественного мнения. Еще до начала столыпинского переселения, начали раздаваться голоса против плохо продуманной переселенческой политики правительства. Одной из подобных работ стала книга В.Л. Дедлова «Переселенцы и новые места» (СПб., 1894). В монографии автор открыто заявляет о своем неприятии стихийного переселенческого движения за Урал. Уже в предисловии он отмечает, что «читатель увидит, что я далеко не в восторге ни от переселенцев, ни от новых мест» [1, с. I]. Книга являлась одной из первых, в которой достаточно подробно было описано переселение на «новые места» немецких колонистов. Описывая мигрантов, В.Л. Дедлов делит их на «героев» и «толпу», относя к первым богатых колонистов Юга России, которые едут в Сибирь со значительными капиталами, а ко вторым – тех, кто победнее, преимущественно из числа поволжских немцев. Анализируя авторскую пози-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ №МК-2694.2003.06 для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ Российской Федерации.

цию, можно прийти к выводу, что В.Л. Дедлов вовсе не выступает непримиримым противником переселенческого движения. Им приветствуется лишь миграция на «новые места» «капиталов», но никак не народная колонизация. При этом в качестве аргумента выдвигается тезис о том, что бедняки не смогут самостоятельно выжить в новых условиях.

Особо следует выделить работы, в которых авторы затрагивают вопросы социально-экономического, политического положения немцев в досоветский период на Алтае. Проблемы социально-экономического положения немецких переселенцев в первые годы проживания на Алтае затрагиваются в статье М.П. Ковригиной «Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 году» [2]. В данной работе в общем контексте приводятся сведения о бедственном положении проживавших в нескольких волостях Змеиногорского уезда немцев-католиков и лютеран вследствие неурожая хлебов 1900 г. При этом автор ограничивается констатацией фактов, не затрагивая вопрос о появлении немецких крестьян на территории Алтая.

Немецкие переселенцы начинают появляться на страницах опубликованных путевых заметок, принадлежавших как официальным, так и частным лицам, после начала проведения Столыпинской реформы. Как правило, экономические успехи немцев, достигнутые ими в короткий срок, использовались в качестве аргументов в пользу успеха реформы. Во многих произведениях того времени эта идея проходит красной нитью.

Несостоятельность опасений того, что разрешать переселяться можно лишь зажиточным крестьянам, опровергает в своей книге «На сибирском просторе: картины переселения» (СПб., 1912) публицист В. Воишин. В ней приводится обширный фактический материал для того, чтобы составить представление, с известной долей критики, конечно, о жизни немецких крестьян, о тех процессах, которые происходили в их среде, проблемах, которые перед ними стояли. Работа эта является достаточно универсальной, так как в ней представлена информация по экономике, истории переселения, этнографии некоторых групп населения Кулундинской степи, в том числе и немцев.

Говоря о жизни переселенцев, автор обращает внимание читателя не только на тот позитив, который, несомненно, имел место, но и на некоторые негативные моменты. Рассуждая о бурном раз-

вители Кулундинской степи, в чем принимали непосредственное участие и немецкие колонисты, он указывает на крайнюю необходимость оказывать этому перспективному зернопроизводящему району всяческую помощь со стороны как правительства, так и местных органов власти. Вслед за жителями В. Вошинин повторяет мысль о том, что позитивную роль сыграла бы железнодорожная ветка от Славгорода до Татарска. Это позволило бы, по его мнению, создать более широкую и мощную базу для экономического развития. Читатель подводится к мысли о том, что основная масса переселенцев, в том числе и немцы, предпочла пойти по пути создания среднего и крупного хозяйства фермерского типа, что позволило в сжатые сроки превратить некогда неосвоенный и слабозаселенный район в одно из основных зернопроизводящих мест Томской губ. В то же время в работе присутствует достаточно поверхностный подход в рассмотрении различных вопросов.

Аналогичные высказывания и оценки мы находим в работе А.Л. Трегубова, изложившего свои впечатления от повторного посещения Сибири в опубликованных в 1913 г. путевых заметках [3]. Еще в 1909 г. А.Л. Трегубовым было предпринято путешествие по районам Сибири, которые активно заселялись выходцами из немецких колоний Европейской России: Акмолинская и Семипалатинская обл. и Алтайская часть Томской губ. При этом описанию подвергнуты не только немецкие населенные пункты, но и поселки, основанные русскими и украинскими крестьянами. Отмечается высокая степень зажиточности меннонитов не только в Кулундинской степи, но и других колонизируемых районах. Например, после посещения немецких поселков Павлодарского уезда А.Л. Трегубовым была сделана следующая запись: «Немецкие поселки... производят прекрасное впечатление... И участки эти считаются лучшими в центральной части... уезда» [3, с. 33].

Нельзя не обратить внимания на описание верноподданнических чувств немцев. В качестве яркого показательного примера указывается на то, что «во всех домах в переднем углу помещается портрет Государя Императора» [3, с. 29]. В целом работа выдержана в пафосном тоне. Обращает на себя внимание стремление А.Л. Трегубова преувеличить роль Государственной Думы 3-го и 4-го созывов в решении переселенческого вопроса.

Некоторый всплеск интереса к немецкой диаспоре России и сибирским немцам, в частности, отмечается в течение 1914–1916 гг. в

публицистических материалах и заметках, появившихся на страницах центральной и местной периодической печати. Это было связано в первую очередь с начавшейся войной с Германией и проводимой в России в эти годы антинемецкой кампании.

Необходимо отметить, что тон публикаций центральной печати, например, в «Новом времени» был более агрессивным. В материалах сквозит настоящая истерия по поводу «немецкой угрозы» России со стороны колонистов. Начинается поливание грязью колонистов. Например, в публикации «Немецкие школы на Волыни» приводится рассказ бывшего директора народных училищ Волынской губ., который заявлял о том, что «немцы пьянствовали гораздо больше крестьян», «это очень грубые, невежественные, нахальные дикари, которые... не могут быть культуртрегерами» [4]. Здесь же автор материала указывает причину столь неприязненного отношения к немецким колонистам, заявляя о том, что «колонисты дают деньги, колонисты содержат школу – от них все зависит» [4].

В столичной печати появляются материалы, касавшиеся немецких колоний Сибири и Алтая в частности. В одном из них было заявлено о создании за Уралом настоящего «немецкого царства». Говорилось о том, что «почти все самые лучшие земли в ... Барнаульском уезде... в немецких руках. Заканчивается публикация анонимного автора призывом ликвидировать упомянутое «царство».

В Сибири шовинистический настрой отсутствовал. Количество публикаций антинемецкой направленности в «Томских губернских ведомостях», «Жизни Алтая» минимально. Как правило, они сводились к публикации материалов официального содержания. Таким образом, можно констатировать факт, что на страницы печати были выплеснуты противоречия, накопленные за несколько десятилетий.

В заключение необходимо отметить то, что в течение последней четверти XIX – начала XX вв. оформляется интерес к сибирским немцам со стороны общественности. Это было обусловлено экономическими, социальными, политическими причинами. В это время начинается процесс первоначального накопления материала и его интерпретация. В большей степени она носила ненаучный характер, что объясняется объективными и субъективными факторами (время работы, цели, стоявшие перед авторами, собственная позиция, круг источников и т.д.).

Примечания

1. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894.
2. Ковригина М.П. Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1903. Т. 5.
3. Трегубов А.Л. По новым местам. Переселение в Сибирь в 1913 году, впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л. Трегубова. СПб., 1913.
4. Новое время. 1915. 2 (15 февр.).
5. Новое время. 1914. 20 ноября (3 дек.).

В.В. Верхотурова

Томский государственный педагогический университет

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX в.

(к вопросу о советской и современной историографии проблемы)

Существовавшее десятилетиями в нашей исторической науке несколько поверхностно-пренебрежительное отношение к «женской истории» было обусловлено тем, что историческая наука в советский период, как, впрочем, любая гуманитарная дисциплина, не была вполне свободна от идеологической заданности. Крушение прежней идеологической системы, настойчивое стремление женщин к самореализации в различных сферах общественной жизни и, как следствие, появление тенденции частичного изменения гендерных ролей в семье, привело к интенсификации развития женских исследований. Тем не менее в работах советского периода, посвященных данной проблеме, содержатся сведения по отдельным направлениям «женской истории», в том числе относящиеся и к Западно-Сибирскому региону, не потерявшие значимость и актуальность в наши дни.

Цель данной работы заключается в попытке анализа советской и современной литературы, посвященной тем или иным аспектам положения женщины в Западной Сибири в XIX в. При этом следует отметить, что если в досоветский период ученых в основном интересовали вопросы, связанные с женским просвещением и образованием, с правовой защищенностью женщины в обществе, то в советское время приоритеты изменились. Одной из главных тем работ стало участие женщин в революционном движении. При

этом создание женских революционно-демократических организаций и борьба женщин за свои права рассматривались как составная часть борьбы пролетариата за свои права в целом [1]. В 60-х годах XX в. продолжало расти число публикаций по проблемам участия женщин в освободительном движении. Сибирь не стала исключением. Так, в появившемся в 60-х гг. XX в. капитальном труде «История Сибири» рассматривается участие женщин Сибири в революционных кружках. Вместе с тем не остаются без внимания вопросы женского образования в Сибири в досоветский период, причем подчеркивается мысль о неразвитости системы женского образования в дореволюционной Сибири, незначительном количестве женских школ, трудной борьбе женщин за право обучения в Томском университете [2]. Несомненным достоинством работы является обилие фактического материала по вопросу женского образования в Западной Сибири в XIX в.

Определенное внимание уделялось в советской историографии роли жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, их влиянию на изменение положения женщины в крае. Здесь необходимо отметить работу Э.А. Павлюченко «В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов» [3]. В ней автор прослеживает связь между деятельностью жен декабристов и таким явлением, характерным для России 70-х гг. XIX в., как «хождение в народ», и считает, что поступок декабристок стал примером для женщин следующего за ними поколения. В общем следует отметить несколько восторженный тон работы по отношению к декабристкам, что в определенной степени характерно для всей советской историографии. Вместе с тем не следует забывать о существовании в России XVIII–XIX вв. традиции, по которой жены офицеров следовали повсюду за своими мужьями, в том числе и во время военных походов. Поэтому, ничуть не умаляя поступка декабристок, следует помнить, что их решение не нарушало традиций своего времени.

Помимо этого, внимание исследователей также привлекала проблема положения женщины в крестьянской семье в Западной Сибири. По данной теме в период 60–80-х гг. прошлого века было опубликовано немало работ [4]. Например, в исследованиях З.Я. Бояршиновой подчеркивается практически одинаковое правовое положение неженатых сыновей и незамужних дочерей в крестьянской семье Западной Сибири, когда последнее слово всегда оставалось за родителями.

Особое место в подобных исследованиях 70-х – начала 80-х гг. XX в. принадлежит Н.А. Миненко, уделявшей значительное внимание различным аспектам жизни западносибирской крестьянской семьи, положению и роли женщины в ней. Несомненным достоинством работы следует считать то, что вопреки характерному для советской исторической науки взгляду на положение женщины в крестьянской семье, как на чрезвычайно тяжелое и совершенно бесправное, автор создает объективную картину гендерного взаимодействия в традиционной крестьянской семье Западной Сибири в XIX в. Однако необходимо отметить, что целью автора, как, впрочем, всех работ, посвященных истории крестьянской семьи Западной Сибири, не было исследование именно положения женщины в крестьянской семье, а скорее, отдельные вопросы «женской истории» рассматривались лишь попутно с изучением эволюции форм семьи и особенностей распределения семейных ролей в традиционной русской семье. Тем не менее данные исследования имели важное значение не только для сибирской, но и для советской историографии в целом. Во многом благодаря этому оказался проанализированным семейный быт и имущественно-правовой статус крестьянок XVIII–XIX столетий, особенности распределения семейных ролей и имущества между старшими и младшими женщинами в многопоколенной и сложной по составу семье.

Определенное внимание в советское время уделялось также судьбам женщин других сословий – мещанкам, купчихам, работницам мануфактур – в Западной Сибири, рассматривалась тема женского труда, так как считалось, что во многом благодаря труду женщина получает возможность общественной самореализации [5], однако по сравнению с исследованиями, посвященными крестьянской семье, их количество оставалось незначительным. Тем не менее благодаря данным исследованиям до нас дошли сведения об уровне женской заработной платы в Западной Сибири в конце XIX в. по сравнению с мужской и об отраслях промышленности, использующих по преимуществу женский труд. В связи с этим необходимо отметить исследование Г.Х. Рабиновича, в котором при рассмотрении вопроса развития золотопромышленности в Енисейской губ., упоминается участие в этом женщин, хотя и крайне незначительное.

В последнее десятилетие XX в. в свете происходивших социальных перемен изменилось и отношение к «женской истории». Отказ от единой марксистской теории, стремление к открытому

обсуждению социальных проблем, возникновение в нашей стране независимого женского движения привели к тому, что количество работ, посвященных данной проблеме, резко увеличивается. Причем, помимо количественного роста исследований, расширяется и их тематика. Внимание исследователей привлекли сфера частной жизни женщин различных социальных слоев, тема «женской повседневности», вопросы женского образования, роль и место женщины в городской семье в Сибири в целом. Здесь следует отметить работы Ю.М. Гончарова [6], в которых исследователя в большей степени интересует вопрос о роли и значимости женщины в частной жизни городской семьи Западной Сибири XIX в. В работе оценивается вклад женщин различных сословий в материальное благополучие семьи, анализируется правовой статус женщины в Западной Сибири, рассматривается демографическая ситуация в регионе, основные направления женского труда в данный период.

Не только собрал и обобщил фактический материал, связанный с конкретными биографиями томских купчих, но и проанализировал тактику гендерного взаимодействия в купеческих семьях Сибири на примере томского купечества В.П. Бойко [7]. В работе также содержатся данные об уровне образованности женщин из купеческого сословия, причем не только по Томску, но и по Западно-Сибирскому региону в целом. В исследовании подчеркивается ошибочность мнения о бесправии женщин-купчих в Западной Сибири в XIX в., в доказательство приводятся факты участия женщин в торговых сделках (особенно купеческих вдов).

При рассмотрении жизни западносибирского города XIX столетия следует остановиться на исследовании А.И. Куприянова [8], обратившего в своей работе внимание на некоторые аспекты развития системы женского образования Западной Сибири в дореволюционный период, на значимость участия самих женщин в этом процессе. Помимо этого, автор рассматривает отдельные проявления женской благотворительности и ее направления в регионе в данный период.

Жизнь сибирской горожанки рассматривается и в работах Н.М. Дмитриенко. В них автор наряду с биографиями женщин, внесших значительный вклад в жизнь Томска [9], обращает внимание на роль женщин в общественной жизни города в целом [10]. Несомненное достоинство работы заключается в отходе автора от сложившейся в советской исторической науке традиции предпочтения глобальных процессов конкретным человеческим судьбам.

Истории борьбы женщин за право обучения в Томском университете посвящена работа К. И. Могильницкой [11], в которой излагаются основные этапы борьбы за право доступа женщин в Томской университет, исследователем подчеркивается заинтересованность общества в данном вопросе.

Вместе с тем тема положения женщины в крестьянской семье Западной Сибири не осталась забытой. В данном случае необходимо отметить исследование П.Е. Бардиной [12], имеющее по большей части этнографический характер, в котором рассматривается повседневная жизнь крестьянской семьи, ее традиции и обряды, связанные в том числе со свадебными торжествами. Поскольку во всех этих сферах роль женщины была значительной, то «женская тема» является доминирующей для данной работы. Особое внимание автор уделяет вопросам предбрачной и брачной девичьей обрядности, особенностям женского досуга (посиделок, хороводов) в Западной Сибири, эволюции женского костюма и украшений в связи с постепенным ростом значимости роли женщины в крестьянской семье края.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на увеличение в последнее время количества работ, посвященных различным аспектам положения женщины в Западной Сибири XIX столетия, и расширения их тематики, до настоящего времени не предпринималось попыток составить общую картину социального и семейного статуса женщины в регионе в данный период.

Примечания

1. Женщины русской революции. М., 1982; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.
2. История Сибири: В 5-ти т. Т. 3. Л., 1968. С. 127, 368 –369.
3. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании: О женах и страхах декабристов. М., 1984.
4. Бояршинова З.Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983; Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967 Вып. 3; Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск. 1989; По старому московскому тракту. Новосибирск, 1990; Русская крестьянская семья в Западной Сибири (в XVIII – первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979.

5. Андриюшенко Б.К. Состав рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895) // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983; Рабинович Г.Х. Из истории золотопромышленности Енисейской губ. конца XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964 Вып. 1; Дмитриенко Н.М. Социально-экономическое развитие сибирского города в эпоху капитализма: 1861 – февраль 1917 гг. (на материалах г. Томска): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.

6. Гончаров Ю.М. Сибирское купечество середины XIX – начала XX в. в представлениях современников // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 2001 Вып. 3. С. 210–225; Он же. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул, 2002; Он же. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 231–246; Он же. Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 25–39.

7. Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII–XIX в. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.

8. Куприянов А.И. Русский город первой половины XIX в. Общественный быт и культура горожан в Западной Сибири. М., 1995.

9. Дмитриенко Н.М. Томские женщины // Сибирская старина. Томск, 1992. №1.

10. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск, 2000.

11. Могильницкая К.И. Очерки становления высшего образования в Сибири. Томск, 1996.

12. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.

Л.Г. Павлов

Алтайский государственный университет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривая проблему интеллигенции в России в целом, в первую очередь нужно отметить, и с этим согласны многие авторы, что интеллигенция как социальное явление характерна только для российского общества. Сам термин «интеллигенция» вошел в привычный обиход русского человека в конце 60-х гг. XIX в., хотя корни того социального слоя, который мы привыкли называть интеллигенцией восходят, к началу XVIII в., к петровским преобразованиям.

В русской историографии, посвященной интеллигенции, можно выделить три периода: дореволюционный – с конца 60-х XIX в. до 1917 г.; советский период – до конца 80-х гг. XX в.; историографический – современный этап. Первый период характеризуется тем, что в публикациях, посвященных проблеме интеллигенции, авторы основной упор делали на рассмотрении вопроса о роли и задачах интеллигенции в современных им условиях жизни российского общества. Это объясняется прежде всего тем, что в конце XIX – начале XX в. шло нарастание общественной нестабильности, которая вылилась в известные события 1905–1907 гг. Вследствие чего произошла заметная активизация общественной мысли, в том числе о роли интеллигенции в решении острых социальных и политических проблем в России. Можно выделить две точки зрения в дореволюционной историографии по поводу роли интеллигенции в российском обществе. Первая была представлена авторами сборника «Вехи», в числе которых входили П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др. Их позиция по вопросу интеллигенции сводилась в основном к следующему. В своих статьях они указывали на то, что интеллигенция слишком оторвалась от народа, поэтому не реализуется главная цель интеллигенции – служение народу. Вместо этого интеллигенция активно участвует в революционных событиях, которые собственно говоря и не нужны России. Всю ответственность за итоги первой русской революции «веховцы» возложили на интеллигенцию, да и саму революцию называли интеллигентской.

Вторая позиция была представлена их оппонентами в лице П.Д. Милюкова и др. Милюков писал по этому поводу: «Разрыв интеллигенции с традиционными верованиями массы есть постоянный закон для всякой интеллигенции» [1]. Однако по вопросу, кого причислять к интеллигенции позиции у «веховцев» и их общественных оппонентов были очень схожими. Главными критериями здесь выступали, во-первых, умственная активность, во-вторых, общественная направленность этой умственной активности. Таким образом, в дореволюционный период в отечественной историографии можно выделить, во-первых, полемическую публицистику, посвященную роли интеллигенции в обществе, во-вторых, специальные работы, главная специфика которых состояла в том, что они были посвящены какой-то определенной части интеллигенции, например, студенчеству или учительским организациям.

Наличие более общих работ, содержащих исследования по интеллигенции в целом, характеризуют второй период в историо-

графии интеллигенции. Важнейшим вопросом в этот период в историографии становится вопрос о социальном составе интеллигенции в контексте марксистского представления о классовой структуре общества. Причем нужно отметить, что отношение к интеллигенции в советской историографии было далеко неоднозначным. Объясняется это прежде всего тем, что в ходе революции 1917 г. и гражданской войны интеллигенция в основном не приняла советскую власть, а те, кто воспринял идеи новой власти, в дальнейшем разочаровались в них. Разным было определение интеллигенции, как особой группы людей. Например, Л.К. Ерман в своей работе «Интеллигенция в первой русской революции» писал, что «интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из людей, занимающихся умственным трудом» [2, с. 13]. Нам представляется, что данная позиция не совсем верна. Гораздо ближе к истине, как нам кажется, тезис дореволюционного публициста Иванова-Разумника о том, что интеллигенция есть внеклассовая и внесловесная группа людей [3, с. 63]. Поэтому исследования историков в советский период страдают яркой классовой направленностью, зачастую в ущерб истинной картине. Большинство интеллигенции в советской историографии попали в реакционные слои российского общества, а некоторые авторы, как, например, В.Р. Лейкина-Свирская, вообще не относили в состав интеллигенции некоторые социальные группы российского общества конца XIX – начала XX в., такие, например, как военные и духовенство [4, с. 38].

С другой стороны, присутствовали и положительные моменты в исследованиях советских историков. Главная заслуга историков в советский период заключается в том, что был подвергнут анализу ряд довольно важных вопросов, среди которых можно выделить вопросы о социальном составе интеллигенции, о месте интеллигенции в структуре российского общества, о численном составе интеллигенции и некоторые другие. Таким образом, исследования в советский период, с одной стороны, носили характер фундаментальных исследований, с другой – отличались определенной идеологической направленностью.

Современный подход к проблеме интеллигенции в историографии носит более сбалансированный характер. Актуальность темы на современном этапе объясняется тем, что политическая и социальная ситуация в 90-е гг. в нашей стране напоминала ситуацию в начале XX в. Поэтому, чтобы понять место и предназначение интеллигенции в современных условиях, исследователи обращаются

к истокам появления интеллигенции в России. Причем исследования ведут не только историки, но и социологи, и философы. Среди авторов можно выделить А.И. Студеникина, Л.И. Новикову и др. Также намечается переосмысление работ дореволюционных авторов, которых в советское время сознательно игнорировали, считая, что они придерживались буржуазной идеологии, хотя если посмотреть на дореволюционную публицистику, то там как раз высказывались идеи социалистического толка. Например, М.И. Туган-Барановский писал, что «только для идеала социализма душа русского интеллигента была открыта» [5, с. 286]. Социалистические идеи проскакивали и у С.Л. Франка.

Проблема исследования интеллигенции как особого социального слоя до сих пор стоит довольно остро из-за того, что до конца не выработался современный подход в изучении интеллигенции. Конечно, нельзя огульно отказываться от подхода, который был в советское время, но некоторые положения советской концепции в изучении интеллигенции необходимо изменять, прежде всего это касается классового подхода.

Примечания

1. Интеллигенция в России. СПб., 1910.
2. Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции М., 1966.
3. Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. М. 1993.
4. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XX века. М., 1971.
5. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.

Л.В. Алексеева

Нижегородский государственный педагогический университет

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917–1941 гг.:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Крупнейший специалист по отечественной истории, источниковедению, археографии и архивоведению Борис Григорьевич Литвак в своей последней работе [1] писал с оптимизмом о будущем исторической науки, основываясь на том, что идет целеустремленный поиск общей концепции исторического процесса в Рос-

сии, который неминуемо ведет к смене привычных постулатов, или значительной корректировке их, поскольку есть субъект историографии, вполне адекватный для решения этой проблемы: сложилась огромная источниковая база и открылись возможности разработки тематики, существование которой всеми ощущалось, но которая не обрела «права жительства» в советское время [1, с. 36].

Мнение авторитетного ученого как нельзя кстати при обращении к изучению советского прошлого Севера Западной Сибири. Обширная источниковая база, ставшая доступной в последние годы историкам, поставила перед ними проблему методологического характера (наличие метода теории и концепции), позволяющую объяснить произошедшие изменения в жизни различного по составу, занятиям и культуре населения огромной территории, ибо прежние идеологические догматы, основанные на марксистском учении, рассыпались под напором «живого исторического опыта».

Сегодня ясно всем обществоведам, что переосмысление отечественной истории XX в. неминуемо требует новых подходов к изучению прошлого регионов, и Север Западной Сибири не является в этом смысле исключением. Знакомство с советской историографией истории Севера, тщательный анализ трудов предшественников и современных исследователей, сбор и систематизация источников, большей частью архивных, позволили представить нам в комплексном виде национально-государственное строительство, трансформацию хозяйственного уклада и социокультурной сферы в 1917–1941 гг.

Эмпирический материал, положенный в основу трех монографических работ автора, ставший результатом длительного и кропотливого труда, безусловно, нуждается в методологическом осмыслении, поэтому методология исследования выстраивалась исходя из поиска теории или концепции, объяснявшей пути, противоречия и трудности процесса так называемых социалистических преобразований на Обь-Иртышском Севере. Мы принимали во внимание не только специфику региона с его многоукладным хозяйством и населением (аборигены, старожилы и ссыльные), но и ту роль, которую отводило Советское государство Северу с его природными ресурсами в решении задач социалистической модернизации особенно в сталинский период развития советского общества.

Известно, что любые, в том числе и глобалистские, теории имеют относительную ценность. В этом смысле вполне оправданной представляется применение концепции модернизации. В раз-

ных регионах России модернизация имела различные стартовые условия, продолжительность, формы реализации, адаптационную среду и, естественно, результаты. Как известно, модернизация в стране победившего большевизма была инициирована Советским государством [2, с. 73].

При изучении сложнейших общественных процессов, происходивших на Севере, нами учитывалось, что модернизация, должна описывать множество одновременных изменений на различных уровнях. Д. Джермани [3, с. 7] подчеркивал, что различные аспекты модернизации составляют процессы единого структурного изменения общества и неотделимы друг от друга. Подобного мнения придерживается уральский историк И.В. Побережников. Он пишет: «Модернизация – комплексный процесс. Она захватывает различные сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политико-правовую, культурную, однако в разной степени. Хотя изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг с другом, но уровни и характеры взаимосвязей могут варьировать в широком диапазоне» [4, с. 22].

Важно разобраться в значении понятия «модернизация». В современной науке трактовка «модернизации» зависит от применяемых теоретических методов. Традиционные общества являются исторически первыми [5, с. 11]. Так, Ш. Эйзенштадт [6, с. 253] рассматривает традицию как нечто, находящееся в процессе постоянного изменения. А. Ройс [7, с. 33] считал, что понятие «традиция» ассоциируется с застывшими формами и предлагает исключить и заменить его понятием «стиль», которое подразумевает гибкость, изменчивость. Таким образом, под традиционными обществами рассматриваются общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт.

В ходе модернизации происходит переход к современному обществу. Оно включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного – ориентацию на инновации. Традиция под напором сил современности не сдавала сразу своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфически национальные формы модернизации. Более того, процессы модернизации на Обь-Иртышском Севере приобретали удивительное своеобразие и неповторимость из-за геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития,

особенностей менталитета членов традиционного общества и т.д. Применительно к северным народам модернизация для них носила догоняющий характер: изменение политической организации повлекло за собой изменение социальной субстанции, появление иной инфраструктуры, насаждение иной культурной среды.

Нельзя не отметить, что изучение событий и явлений проводилось с позиции объективизма, что способствовало выявлению совокупности разнообразных, в том числе противоположных тенденций, выяснению соотношения между ними, что в конечном счете позволило разносторонне охарактеризовать изучаемые явления и процессы. Следовательно, выводы формулировались строго в соответствии со всеми учтенными нами фактами и не «подгонялись» под какие-либо схемы. Исследование выполнялось на основе широкой интеграции с общественными и естественными науками: философией, этнографией, этнологией, экономикой, экономической и физической географией, биологией и др. Обозначенный методологический подход, в рамках которого выполнено исследование, не имеет опыта в трудах отечественных историков. Новизна полученных результатов проявляется в достаточно целостном и упорядоченном историческом знании, толковании процесса модернизации и выявлении общих его закономерностей на Севере Западной Сибири в 1917–1941 гг.

Основательное изучение пространственных характеристик дало возможность получить целостное и достаточно полное представление о модернизационном переходе на огромной территории. В пределах столь обширного региона, каковым являлся Обь-Иртышский Север, ритмы субпроцессов не совпадали, модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические и социальные фрагменты общества, территориальные единицы. Указанные различия накладывали отпечаток на характер модернизации в целом и на ее темпы в частности.

Методологическое осмысление исследования позволило предложить иную периодизацию истории Обь-Иртышского Севера, весьма отличающуюся от тех, что выдвигались ранее. С конца 1917 г. до середины 1920-х гг. – время, когда происходил поиск различных форм национально-государственного строительства у народов Северо-Западной Сибири и была предпринята попытка создания советов на уровне уездов и волостей, а затем – районов. В тот период экономическая и культурная жизнь оставалась без изменений.